

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КНИГА

НАПИСАННАЯ
ИНОПЛАНЕТЯНАМИ

БЕРТ АНДРО

16+

Берт Андро

Человеческая книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55847581

SelfPub; 2020

Аннотация

На никому не известной станции усердно трудятся особенные существа: их главная цель – это изучить людей от и до и доказать, что никакого сознания у них не существует. Один из представителей таких существ желает добиться больших вершин в своей карьере и просит себе особое исследование. Однако в итоге оно заставляет его полностью поменять свои взгляды на происходящее вокруг и на проект, который так усердно пытаются выполнить существа его расы.

Содержание

Начало исследования – объект 358А-Г-М	10
Пер-АПА	16
Объект 358А-Г-М	22
Пер-АПА	29
Объект Дженни	38
Пер-АПА	42
Объект 213Г-Ш-Ш	46
Объект Дженни	51
Объект Роберт	57
Объект Дженни	60
Объект Роберт	64
Задатки человека	73
Пер-АПА	77
Объект Роберт	82
Объект Дженни	87
Объект Роберт	95
Пер-АПА	104
Объект Дженни	109
НиАР	112
Объект Дженни	115
Пер-АПА	121
Роберт	123

Я пометил что-то в блокноте. Машинальное движение, привычка, рефлекс – выработано до максимума за все три года, что я здесь работал. Человек поднял голову, но не увидел меня, и я снова записывал что-то в блокнот. Проглядел свои записи: «Растерянность, суженные зрачки, тревога». Нарисованные глаза. Я закрыл блокнот.

– Достаточно.

Свет в комнате выключился, и человек невольно погрузился в сон. Медсестра ввела ему сыворотку в шею, и я ушёл. Когда она проходила мимо, подмигнула.

– Подожди, – остановил её я.

– В чём дело, Номер Один?

Я смотрел в её синие без зрачков глаза. Отвёл взгляд, почесывая нос.

– Ничего, Номер Два. Просто хотел сказать, что ты хорошо поработала.

– Спасибо! – радостно улыбнулась она, обнажив синие зубы. – Вы тоже были на высоте, Номер Один.

– Спасибо, Номер Два. Извини, что задержал. Иди.

Она ушла, улыбнувшись на прощание, стараясь скрыть раздражение от моего повелительного тона. Она постоянно так делала. Ей не нравилось со мной работать.

Я сел в мягкое колючее кресло, чувствуя, как иголки вонзились в кожу, и удовлетворённо прикрыл глаза. Массаж – разве не чудо-средство против переутомления? Или – как бы я написал в блокнот, если бы наблюдал за уставшим челове-

ком – лучше сказать, некая апатия, а не переутомление.

Встал с кресла и направился на выход.

Если вы подумали, что меня зовут Номер Один – это не так. В комнатах исследования имена не используются, нужно называть другого так, как этого требует его статус на данный момент. Например, я был главным исследователем – наблюдающим, и я – Номер Один. Медсестра была провокатором, то есть она – Номер Два.

В общем-то, в комнате исследования только два главных Номера, а остальные делают всякую компьютерную работу, которая, конечно, важна, но не настолько, как работа наблюдающего и провокатора.

На мой взгляд, я бы называл Номер Один провокаторов. Они делают гораздо больше работы, чем наблюдающие. Они разговаривают с людьми. Они сами притворяются людьми.

Мне кажется, они очень храбрые. Это глупо, но при мысли о том, что я буду притворяться человеком и разговаривать с настоящим, меня пробирает дрожь.

В любом случае, моя работа мне нравилась. Правда, очень. Однако...

– Три года, Вин де Ойл. Это слишком, тебе не кажется?

Мой друг работал в комнате исследований уже четыре года, но его постоянно повышали, давали премии и тому подобное.

Но я... я работал там три года, и меня ни разу не повысили. Никаких премий, почётов, дополнительных заданий,

о которых я так мечтал.

– Осторожнее с желаниями, друг, – лишь ответил тот, про-
сматривая записи в блокнотах.

Я заглянул ему через плечо, увидел слово «любовь».

– Любовь? – удивился я.

Вин де Ойл резко закрыл блокнот и нахмурился.

– Прекрати. Это против правил – помогать друг другу.

У каждого есть своё исследование.

– Я же просто спросил.

Он хмуро отвернулся. Какое-то время мы молчали.

– Так, значит, серьёзно любовь попалась? – осторожно по-
интересовался я.

Вин де Ойл раздражённо вздохнул, цокнул синим языком
и кинул блокнот на стол.

– Да.

– Сложно, да?

– Да.

– Давно исследуешь?

– Неделю. Почти близок к разгадке.

– И что? Есть причина?

– Конечно, есть. У них всегда есть причина.

– Как же предсказуемо.

– Звучит разочарованно. Осторожнее, а то я подумаю, что
ты стал гуманнее к ним относиться.

– Немного неуместно использовать это слово. И я вовсе
не разочарован. Скорее, завидую. Тебе попадают такие ин-

интересные исследования.

Вин де Ойл кинул на меня косой взгляд, думал – ударить меня или воздержаться? Воздержался.

– Можешь не нагружать мою систему своими назойливыми вопросами? Подойди к Вышке и скажи всё, что говоришь мне.

– Ты что, серьёзно?

– Ну, естественно.

– А, знаешь, я так и сделаю. Так и сделаю.

Вин де Ойл кивнул, не слишком уверенный в моих словах (собственно, как и я), и я ушёл.

Так странно, что среди наших существует такое клеймо, как «неудачник». После того, как они начали изучать людей, они стали говорить, как они. Глупее может быть только то, что это клеймо – на мне.

Естественно, в лицо они этого не говорят – удивительно, ведь так же делают люди. Я понимаю, если бы нерабочие сказали бы какое-то оскорбление в лицо наблюдающему, им бы не сулило ничего хорошего. Но коллеги, высшие по званию и другие могут говорить мне всё, что хотят, – и всё же говорят за спиной.

Наверное, стоит сказать, что я реконструирую мою речь под вашу, дорогой читатель. В случае, если вы не человеческой расы и не моей, то, прошу прощения, я не знаю других языков.

Я зашёл к Вышке. Он был тут самый главный, так что

и звался Вышкой. У нас всё просто. У нас на всё есть причина. У нас нет сознания, непостоянного и непонятного, у нас есть система – чёткая, выработанная и безошибочная.

Поэтому мы пытались их понять – людей и их сознания, их тайны и души. Мы просто искали причины в их поведении, причины, почему они делают так или иначе, ведь если причин нет – это необъяснимо, а мы не любили необъяснимые вещи.

Так что я предпочитал считать, что люди предсказуемы. Люди бы назвали это «самовнушением», но это понятие мы уже давно изучили.

Мы уже так долго их изучаем, что почти убедились в отсутствии их сознания. Я лишь удивлён, что это заняло так много времени.

Система Вышки была сосредоточена на том, чтобы управлять другими. А ещё он всегда говорил правду.

– Никто из более высоких уровней не хочет с тобой работать.

Я притворился, что меня это не задело – странное знакомое ощущение, которое тоже давным-давно изучено.

– Но это же глупо. Я профессионал. Я работаю в этой сфере три года и могу брать более сложные исследования.

Хотя, наверное, если бы я знал, что мне дадут её, то отказался бы. Я бы работал до конца расхода системы (жизни) без повышения, сосредотачиваясь на надоедливых заданиях о «грусти» или «удивлении». Короче говоря, продол-

жал жить своей обыденной размеренной жизнью, уверенный в своих убеждениях.

Но я не знал.

– А знаешь что? – проговорил Вышка спокойно. – Да. Я согласен. У нас тут как раз есть одно исследование. Сложное. Все отказываются от него, как только берутся. Они не могут его решить. Сомневаюсь, что у тебя получится, но, если выполнишь, повышу тебя до уровня твоего соседа Вин Де Ойла.

Я согласился.

Начало исследования – объект 358А-Г-М

Когда я зашёл в лабораторию, то в первую очередь удивился тишине, царящей внутри. Никого не было внутри: ни наблюдателей, ни провокаторов, ни компьютерный работников. Это было удивительно для двенадцати часов дня (время переведено автоматически для человеческих читателей), ведь именно это время считалось пиком работы.

Дальше мне предстояло удивиться тому, как вокруг было темно. Лишь пару красных огоньков от техники, говорящих о том, что все аппараты находятся офлайн.

Позже мне казалось, что все эти мелочи специально удивляли меня, будто готовя к ещё большему удивлению. Когда я включил свет, махнув рукой перед сенсорной панелью у двери, и когда другая панель, намного больше, появилась на другой стороне комнаты, я застыл. Я увидел объект исследования.

Даже не знаю, что меня больше удивило, – то, что она показалась мне ничем непримечательной, учитывая сложность её исследования (по словам Вышки), или то, что она смотрела будто бы прямо на меня.

Однако, естественно, последнее было невозможно. Проясню: та панель, на которой я её увидел, была своего рода

«телевизором» (слово взято из человеческого орфографического словаря, автоматически приближенное значение для человеческих читателей).

Наши технологии позволяют следить за человеческой рабой в их естественной среде благодаря таким телевизорам, невидимо для людей помещённый в их личное пространство.

Если вы человек, то, возможно, подумаете, что мы следим за вами с помощью камер, но нет. Личное пространство – это некая энергия, окружающая вас, а наш «телевизор» способен прицепиться к этой энергии с помощью заряженных, созданных нами микроскопических частиц.

Таким образом, исследуемые люди всегда под нашим наблюдением.

Но не буду нагонять скуку, как говорят люди.

Объект исследования просто не может увидеть наши «телевизоры» и не может сознательно понять, что за ним следят.

Поэтому я и удивился, естественно, по глупости и неготовности к увиденному, подумав, что мой объект исследования обнаружил этот телевизор и смотрит прямо в него.

Сглотнув, я взял себя в руки. Невозможно глупо! Я опять испугался людей.

Тряхнув головой, я прошёл вперёд, ближе к панели, и взглянул на объект. Это была представительница женского пола. Она всё ещё смотрела перед собой, будто бы на меня, своими странными ярко-голубыми глазами, и, не буду скрывать, от такого взгляда меня до сих пор немного мучала

непонятная тревога.

– Балбес, – сказал я вслух, изобразив своего соседа Вин де Ойла, и старался успокоить себя звуком своего голоса.

Но в тишине лаборатории мой голос показался мне странным и неуместным. Я удивился тому, что до сих пор не смог сосредоточиться на исследовании.

Я смотрел прямо в глаза объекта и, наконец, понял, что бояться его бессмысленно. Почувствовав неизбежную власть, которую мы всегда чувствовали над людьми, изучая их, я достал свой блокнот.

«Женский пол. Глаза ярко-голубые».

Я снова присмотрелся к женщине и дописал:

«Пустые».

Это было странно, так как я обычно не использовал эпитеты к описанию внешности человека.

Но взгляд голубых глаз казался мне непривычно безжизненным и каким-то знакомым.

«Волосы чёрные. Цвет кожи – белый. Раса – европеоидная».

Мы записываем это исключительно для протокола и, скорее, для запоминания, если у нас много объектов исследования. Взглянув на слово «пустые», я нахмурился и зачеркнул его.

Убрав блокнот, я достал папку, которую дал мне Вышка. Там были некоторые данные, которые уже выяснили те, кто работал до меня, а также цель исследования.

Я повернулся спиной к панели и начал читать.

«28 лет. Получила высшее образование. Работает в офисе бухгалтером уже четыре года. Кроме работы ничем не занимается. Ни друзей, ни любовных отношений. После работы приходит домой и просто лежит».

Я не нашёл в этом ничего особенного. Но, взглянув на цель исследования, нахмурился.

«Цель исследования: выяснить, почему объекту не надоедает однообразие, как другим представителям человеческой расы, а также выяснить, почему она не нуждается в человеческом общении при долгом отсутствии данного».

Я закрыл папку. Обернувшись на панель, увидел, что объект действительно лежал на кровати и ничего не делал. Я взглянул на верхнюю часть панели, где была написана дата (автоматически переведённая для человеческих читателей): тридцатое сентября, суббота.

Возможно, у объекта был выходной. Я почувствовал странное чувство. В блокноте я написал бы «раздражение».

– Извини, Вышка, можно задать пару вопросов?

Вышка устало взглянул на меня, но с таким видом, будто знал, что я зайду через двадцать минут после того, как получу новое исследование. Он кивнул, стараясь сосредоточиться на делах, которые делал в сенсорном дисплее компьютера.

– Я хотел спросить, кто будет провокатором в моём новом деле. Ну, исследование номер 358А-Г-М.

Вышка поднял на меня жёлтые глаза.

– Ты.

У меня аж дыхание сбилось.

– Я? Но я наблюдатель. Номер Один.

Вышка вздохнул, оторвавшись от дисплея.

– Ты и Номер Один, и Номер Два. Как я уже сказал, все отказались от этого дела. К тому же, опять же, как я уже говорил, никто не хочет с тобой работать.

– Но разве так можно? – испуганно пробормотал я.

– Разумеется, можно, просто мы давно не использовали методику «Два в одном», так сказать.

Он решил, что мои вопросы исчерпаны, и ждал, пока я уйду. Я не уходил. Вышка смотрел на меня исподлобья, пытаясь понять, чего ещё мне от него надо. Это был странный момент: мы всегда говорим систематически, чётко, конкретно, чтобы не вызывать непониманий. Но я не мог ничего сказать. Моя система начала работать плохо.

– Разумеется, у тебя будет больше времени на это исследование, чем обычно, – добавил Вышка, подумав, что дело в этом.

– Мне... придётся самому идти к объекту? – спросил я наконец.

Вышка принял информацию правильно.

– Я вспомнил. Ты ещё не работал Номером Два.

Не то, чтобы Вышка мог забыть об этом, просто он об этом и не думал.

– Ну, ты же прекрасно знаешь всю систему действий провокаторов. Пришло время практики. Расписание провокаторов попроси у Пер-АПЫ.

Всё становилось хуже и хуже. Страх от встречи с настоящим человеком вызывал у меня дрожь. Я слышал, что такое случается с некоторыми начинающими провокаторами, но это считалось унижительным и неправильным.

Я никому не сказал о страхе. Я хотел сказать Вин де Ойлу, когда заходил в комнату за своим априкатором (это специальный, поддерживающий жизнь аппарат для нашей расы, вроде бутылки воды для людей), но он не заговорил со мной, а я – с ним.

Но ещё унижительнее было бояться встречи с Пер-АПОЙ. Это была самая старая и самая опытная провокаторша на нашей станции. Никто не знал расшифровки её имени, как и её личной истории (или, как мы ещё называем, временной жизнедеятельности), но все её уважали.

На её счету невероятно много исследований. Она настолько профессиональна, что бралась исключительно за самые сложные.

Я боялся встречи с ней не просто потому, что чувствовал себя «неудачником» рядом с таким профессионалом, но и потому, что она могла *почувствовать*. Она могла почувствовать, что я боюсь.

Пер-АПА

Пер-АПА практически жила в лаборатории. В любом случае, я всегда видел её там, в её собственной лаборатории, где она иногда проводила курсы для начинающих провокаторов. Я уже начал думать о том, чтобы тоже как-нибудь сходить на них, но потом я представил, как это будет унижительно, и отбросил эти мысли.

Окна в лаборатории Пер-АПЫ были затемнены. Обычно такое случалось, когда она была полностью погружена в работу и накидывалась на любого, кто посмел ей помешать. Поэтому я благоразумно решил зайти попозже, но только я сделал шаг в сторону, как окна вдруг просветлели. Я бы сравнил это с табличкой «Открыто» и «Закрыто», какие обычно висят на людских магазинах (но никому не говорите, что я привёл такое сравнение).

Уже глупо обрадовавшись, что мне не придётся унижаться перед профессиональным провокатором, я замешкался. Уже всерьёз начал думать о том, чтобы отложить эту встречу и уйти, как вдруг панель рядом с дверью в лабораторию издала звук включения, и я услышал резкий сухой голос:

– Я тебя чувствовать. Заходить.

Я слышал, что Пер-АПА была родом из другой планеты и что она так и не научилась полностью нашему языку. Обычно мы не принимаем на работу в станцию предста-

вителей из других планет, но когда-то у Пер-АПЫ был напарник (для человеческих читателей автоматически приведено сравнение – муж), который являлся Вышкой. Он уже давно умер, и после него уже много раз сменилась Вышка, но Пер-АПА благодаря нему смогла стать отличным работником и частью нашей команды. Я бы даже сказал, она перегнала всех нас по опыту.

Услышав её властный голос, я замешкался ещё больше.

– Ну? – с явным нетерпением снова сказала она, и я приложил палец к панели, чтобы Пер-АПА смогла опознать меня и впустить.

– Сентябрь? – хмуро спросила она, послышался звук, и дверь открылась.

После того, как я зашёл в лабораторию, дверь за мной закрылась, а окна снова потемнели. Я был удивлён, что ради меня Пер-АПА поставила режим «Не беспокоить».

Пер-АПА ушла из панели и перешла в свою «коробку» (как она сама это называла). Ах, да, простите – Пер-АПА была роботом.

Точнее, она жила в виде робота. Ей было уже более ста пятидесяти лет (переведено в человеческие мерки), но когда-то, когда ей исполнилось шестьдесят (по человеческим меркам), она приказала поместить её мозг в аппарат, который она создала сама.

Она создала для себя электронный, невидимый для всех дом. Её сознание имеет доступ ко всем электроприборам,

которые позволяет ей использовать Вышка, а её оболочка – большое обыкновенное металлическое тело робота, которое Пер-АПА называет «временной коробкой».

Это женское существо полно загадок, и известны они лишь тем, кто жил с ней в то время. Но сейчас лишь немногие остались в живых с тех пор, а она заслужила достаточный авторитет, чтобы не раскрывать свои тайны и оставаться доверенным лицом.

– Что ты хочешь от меня? – грубо спросила она.

Её металлическое тело не могло двигаться. Оно стояло посередине лаборатории таким образом, чтобы всё нужное для работы оказывалось перед глазами, однако вся её работа проходила в невероятном электронном мире, где, в свою очередь, её сознание могло путешествовать так, как хочет, без ограничений.

– Я хотел бы узнать расписание провокаторов, – сказал я достаточно спокойно.

Пер-АПА замолчала, и я слышал, как она покинула металлическое тело. Её передвижения можно было отследить лишь по небольшим искрам, идущих от тех электроприборов, в которых она была, но эти искры появлялись не всегда. В новой технике их вовсе не было.

Её голос прозвучал позади:

– Я тебе распечатать.

Послышался звук печатной машинки, и я обернулся, увидев распечатанный листок, выползающий из аппарата.

– Спасибо.

Я быстро схватил листок и собрался уходить, но Пер-АПА переместилась в дверную панель и вдруг заперла дверь.

– Почему ты так бояться, Сентябрь? – послышался её подозрительный холодный голос из панели.

Сентябрь – это моё имя. Возможно, людям это имя покажется странным, но об этом позже.

– Это мой первый раз, – пришлось признаться мне.

Я услышал её издевательский смех.

– Маленький мальчик бояться. Как трогательно.

– Очень смешно. Почти по-человечески. Можно идти?

Я приложил палец к панели, но она не открыла дверь.

– Ты грубиян, но я хотеть поговорить. Набраться терпения, или я ударить тебя током. – Она любила так шутить, но обычно никто не смеялся, кроме неё. – Я знать, что остальные говорить о тебе. Но они не понимать, что мы становиться людьми, когда решить изучить их.

Я не очень понимал, о чём она говорит. Но потом я вспомнил, что я думал раньше. О том, что мы начали вести себя, как наши объекты исследования.

– Вы читали мои мысли?

– Нет, идиот. Я видеть тебя, когда ты проходить мимо моей лаборатории каждое утро. Я обратить на тебя внимание неделя назад.

Я молчал, ожидая продолжения. Я совершенно не ожидал такого разговора.

– Я хотеть сказать, что я тоже так считать. Надеюсь, твои жалкие синие извилины понять.

Панель издала звонкий звук, и дверь открылась. Я не стал задерживаться в этом странном месте и вышел, сжимая в руках расписание. Дверь за мной резко закрылась. Я слышал, как Пер-АПА снова подключилась к металлическому телу.

Расписание

«Провокаторы имеют право идти на контакт в любое время только после того, как достаточно изучат объект для того, чтобы понять, когда контакт будет необходим.

В другом случае (например, необходимости попасть в зону объекта не для контакта, но для установления этого в будущем) есть универсальное время:

– 6:00

– 12:00

– 14:00

– 15:30

– 18:00 (особенно для целей, связанных со сливанием с толпой)

– 22:00

В другое время частоты недостаточны и нежелательно совершать переключение и трансформацию».

Я перечитал расписание сотни раз, сидя в лаборатории. Я пытался отложить своё новое исследование, делая старые, но я закончил их очень быстро. В итоге, у меня не осталось

исследований, кроме 358А-Г-М, то есть нынешнего, и другого, связанного с депрессией, но уже практически решённого. И то, и другое исследование мне почему-то делать не хотелось.

Исследование про депрессию под номером 213Г-Ш-Ш было настолько нудным и неинтересным, что я просто устал от него. А нынешнее пугало меня, и я устал от того, что отрицаю это.

Разговор с Пер-АПОЙ не задерживался у меня в мыслях надолго. Она всегда была странной, сложной системой, которую не все могли решить.

Я больше думал о том, как буду переключаться.

Обернувшись, я взглянул на панель «телевизора». Объект всё также лежал на кровати. Я взглянул на электронные часы у себя на запястье: «14:47» (переведено для человеческих читателей). Чем-то эта представительница женского пола была схожа с тем представителем мужского, которого я изучал в деле 213Г-Ш-Ш.

Такая же нудная.

Объект 358А-Г-М

Я изучал объект до вечера. Она вставала с кровати лишь трижды и только для того, чтобы удовлетворить человеческие потребности: в основном, в голоде. Как-то у неё зазвонил телефон, но объект не ответил. Я записал это в блокнот. Я также записал, что она ела, просто от нечего делать: макароны, странная куриная лапша быстрого приготовления, сэндвичи и горох из консервной банки.

После еды она снова ложилась на кровать и ничего не делала. Иногда она переворачивалась на живот или на бок.

Я частенько отходил за априкаторами или ещё за чем-либо, чтобы отвлечься от скуки. В 22:00 (переведено для человеческих читателей) я уже хотел идти в свою комнату и готовиться к завтрашнему переключению, но тут объект встал и начал переодеваться.

Она быстро оделась и вышла на улицу. Я был удивлён. Я был уверен, что это продвижение в моём деле. Возможно, я сейчас узнал бы об объекте нечто новое, и мне не пришлось бы завтра идти на контакт. Я даже думал, что она начнёт с кем-нибудь общаться из её расы, тогда бы и цель исследования оказалась бесполезной.

Но всё оказалось иначе. Погуляв час по парку возле её дома, она ни с кем не пересекалась и молча бродила. После прогулки она вернулась домой и легла спать.

Я был разочарован. Но также я был удивлён, что не смог этого предвидеть.

Я проснулся в 5:30 (переведено для человеческих читателей) и пребывал в странном состоянии. Вин де Ойл ещё спал, когда я мыл свои плечи (просыпаясь, мы всегда так делаем). Я был уверен, что объект 358А-Г-М ещё спит и на этот раз угадал.

Зайдя в лабораторию и включив панель, я увидел, как она пускала слюни на свою подушку. Никак на это не отреагировав, я вышел. Зашёл в другую лабораторию с моим объектом под номером 213Г-Ш-Ш, но он тоже спал. Люди вечно спят.

Тогда я занялся подготовкой к контакту, снова прошёл в лабораторию номера 358А-Г-М и нажал на панели кнопку «Переключение». Окна автоматически затемнились, и я вспомнил разговор с Пер-АПА, но снова не стал задерживать на этом мысли.

Открылась другая панель, панель переключения. В ней было много кнопок с необходимыми условиями для трансформации. Я нажал на «Внешний вид». Испугавшись, увидев себя человеком, я поморщился. Без синей кожи и других некоторых особенностей моего тела и его строения, например, двойных ушей и других таких мелочей, я выглядел практически как они.

Странно, я никогда не смотрел, как выглядят провокаторы в человеческом облике. Как они выбирают свой внеш-

ний вид?

Я растерянно нажал кнопку «Причёска». Мой внешний вид был устроен по умолчанию, то есть причёска, лицо и тело оказались такими, какими бы они были, если бы я был человеком.

У меня появились светлые, густые волосы и даже прямые брови, которых раньше не было. Нос мой остался таким же, а губы стали немного пухлее и розовее.

Я сделал причёску короче, чтобы волосы не мешали, а затем сохранил внешний вид. Я не знал, устраивает меня он или нет, но даже если и не устраивал, то я всё равно не знал, что сделать, чтобы было лучше.

Я понажимал ещё пару кнопок, установил необходимые настройки, прочитал правила поведения. Я был готов.

Три часа я занимался другими делами, стараясь отвлечься, а затем мои часы завибрировали. Это означало, что объект начал что-то делать.

Вернувшись в лабораторию, я увидел, как она вставала с кровати. Я сел в кресло перед панелью, взяв в руки априкатор, который только собрался использовать.

Объект потянулся. Зевнул. Всё как обычно. Она обернулась, потянулась за своим телефоном и кому-то позвонила. Я встрепенулся, отложил априкатор и схватил свой блокнот.

– Ало? – у неё был сонный, равнодушный голос, немного хриплый от долгого молчания. – Я хочу заказать пиццу.

Я записал в блокнот «Пицца» и ждал дальше.

– Я хочу грибную. Две. Нет, три. Нет, две грибных и одну сырную.

Я записал всё, что она сказала, нарисовал стрелку и подписал «возможно, вегетарианка».

Она начала диктовать свой адрес, но он мне был совершенно не нужен. «Телевизор» всё это отслеживает, любое местоположение.

После того, как она заказала, объект пошёл в ванну. Разделась, залезла под душ. Она мылась около получаса, играясь с пеной, а потом просто сидела под струями и ничего не делала.

«Долго принимает душ».

Когда зазвонил звонок её квартиры, она подскочила, чуть не поскользнувшись, вылезла, укуталась полотенцем и побежала к двери, прихватив из кармана куртки деньги.

Молча отдав деньги доставщику, она забрала пиццу и резко закрыла перед ним дверь. Положила пиццу на стол в кухне и вернулась в душ.

– Неудивительно, что на Земле истощаются запасы воды, – усмехнулся я.

Я посмотрел на часы. «11:49». Тут мне пришла в голову идея, пугающая, но полезная для продвижения.

Я встал перед панелью «Переключения» и нажал кнопку «Инструменты». Написал «Грибная пицца» и приложил фотографию той пиццы, которая лежала на столе объекта. Из аппарата, стоящего в углу лаборатории, через минуту по-

явилось то, что я написал.

Наши технологии в лаборатории идеальны. Они созданы для изучения людей, и неважно, какие средства нужны для этого.

«11:54». Объект всё ещё был в душе. Я нажал на кнопку «Внешний вид» и изменил его. Подождал шесть минут, затем сделал глубокий вдох и нажал кнопку «Переключиться». Вихрь подхватил меня. Я оказался по ту сторону экрана.

Это было невероятно. Я взглянул на свою изменившуюся руку, державшую пиццу, и на ноги в джинсах. Дотронулся до щеки, почувствовав мягкость вместо шершавости.

Я мог бы изучать себя бесконечно, но сосредоточился на задании. Я стоял прямо перед дверью в квартиру объекта и нажал на звонок.

Минуту мне никто не открывал. Послышались быстрые шаги, вода прекратила литься. Громкий стук и ругательства. Что-то упало. Снова ругательства. Я ждал.

Ещё минута, и она открыла дверь. Она снова была в полотенце, её чёрные мокрые волосы липли к лицу, но не закрывали вопросительного взгляда ярких, но удивительно безэмоциональных глаз. Объект взглянул на пиццу у меня в руках и нахмурился.

Я поспешил сказать, изменив голос:

– Это квартира 96?

Это была другая квартира. Я ждал реакции объекта.

– Да, – спокойно соврала она.

– Вы оплатили онлайн, – сказал я, протягивая пиццу.

Она растерянно приняла её и, взглянув на меня ещё раз, закрыла перед носом дверь.

Я отошёл подальше от её двери, достал блокнот и записал «Не стесняется врать. Возможно, достаточно эгоистична».

Затем нажал на кнопку на часах, и вихрь снова подхватил меня, вернув в лабораторию. Тут я наконец перевёл дух. Мне удалось держать себя в руках и скрывать страх при контакте с объектом. Но я боялся. Очень боялся. И я понимал, насколько это глупо. Разве это не она полностью в моей власти?

Я отбросил пугающие воспоминания о недавнем контакте. Подошёл к панели «Переключения», нажал «Внешний вид» и снова поставил по умолчанию.

Объект поднимал упавшие шампуни в ванной. Пицца, которую я ей передал, уже лежала на столе рядом с остальными.

Я подождал десять минут. Затем, снова сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, нажал на кнопку переключения.

Вихрь. Я перед квартирой объекта. У меня запотели ладони. Физически это было невозможно в моём истинном облике. Но, видимо, в человеческом мой страх преобразовался в этот пот. Интересное явление. Надо изучить.

Сосредоточившись и стараясь не бояться, я нажал на звонок. Нахмурил брови. Послышались шаги.

– Кто опять? – открыла дверь она раздражённо.

Изучила меня непонимающим взглядом. Я продолжал хмуриться.

– Здравствуйте. Я из квартиры 96.

Она вздрогнула, нахмурившись почти так же, как я.

– Я звонил доставщику насчёт пиццы, которую заказал.

Он сказал, что уже отдал её какой-то брюнетке в полотенце. Это случайно не вы?

Она молча отошла куда-то, очевидно, на кухню, и вернулась уже с той самой пиццей. Протянула её мне и грубо всунула в руки. Затем собиралась закрыть дверь. Я успел подставить ногу.

– Даже не извинитесь? – обаятельно улыбнулся я, как нас учили на уроках.

Она нахмурилась ещё больше, толкнула мою ногу и резко захлопнула дверь.

Я стоял, удивлённый и растерянный, прямо как человек.

Пер-АПА

Днём, часа в четыре по человеческим меркам, ко мне в лабораторию внезапно зашёл Вин де Ойл. Он не обратил внимания на то, каким я был растерянным и озадаченным. Я всё ещё ломал голову над тем, почему объект не сказал мне ни слова.

– Тебя зовут, – сообщил Вин де Ойл, и я внезапно понял, что и сам мой сосед какой-то озадаченный.

Я вышел из лаборатории, оглянувшись на объект. Она доела сырную пиццу. Грибную она съела утром наполовину.

– Кто зовёт? – спросил я у Вина де Ойла.

– Пер-АПА.

Я удивился. Вин де Ойл недолго ждал от меня объяснений, потому что знал, что их не будет, так что почти тут же ушёл.

Я двинулся к лаборатории Пер-АПЫ. Мне стало тревожно. Сразу вспомнился наш прошлый разговор, и все мыслительные процессы по поводу этого, которые я откладывал, мне пришлось тут же принять на себя.

Мысли об объекте сразу пропали. У нас есть свойство: если думаешь о чём-то одном, другое совершенно не занимает мыслительные процессы. Мы умеем сосредотачиваться.

Подойдя к нужной лаборатории, я приложил палец к панели. Окна были светлыми.

– Сентябрь, какой долгий ты. Заходить.

Дверь открылась, я зашёл, и окна стали тёмными.

– Зачем вы называете меня по имени? – спросил я с сомнением. – Это знак уважения.

– О, нет-нет. Не думать, что я тебя уважать, неудачник. – Она рассмеялась, переходя в своё металлическое тело. Красный огонёк внутри робота стал зелёным. – Просто меня раздражать все эти ваши норма, этикет.

– Поэтому вы так грубы? – осмелился спросить я.

Она снова расхохоталась своим скрипучим, немного жутким смехом. Мы редко смеёмся, а, точнее, почти не смеёмся, но Пер-АПА росла на другой планете. Некоторые представители нашей расы считают её странности прелестными. Они так и говорят. «Прелестные».

Вы могли понять, что я не один из таких любителей «прелестных странностей».

– Нет, я не грубить, это вы считать, что я груба. Для каждого свои правила, правильно я говорить? Я знать, что ты согласен. Ах, да. Я звать тебя, чтобы спросить о Дженни.

– Какой Дженни?

Она громко и натянуто устало вздохнула.

– Я так и знать! Вы, идиоты, никогда меня не слушать. Я же говорить, что нужно узнавать имя.

– Имя? – Я быстро понял, о чём она. – Дженни – это имя моего объекта 213Г-Ш-Ш?

– Идиот! Нет! Это женский имя!

– Объект 358А-Г-М?

– Я сейчас ударить тебя током!

Зелёный огонёк робота стал красным, и провода, в которые перешла Пер-АПА, оказались прямо возле моих ног. Я отступил.

– Не понимаю, зачем вы так трепетно к этому относитесь.

Она издала раздражённый вздох, перешла обратно в робота.

– Имя – это важно! Вы писать все эти глупые вещи вроде расы и цвета кожи... Нужно узнавать другие, личные вещи. Я каждый раз учить, но вы не хотите узнавать имя.

– Мы сами даём им имена. Номера.

– Идиот! Ты не понимать. Ты сам говорить, называть по имени – знак уважения. Вы втираться в доверие к людям, но они чувствовать, что вы не уважать их.

Я признал, что в её словах был смысл. Мне снова захотелось посетить её курсы. Я достал блокнот, написал «Дженни». Пер-АПА это оценила.

– Молодец. Может, ты не такой идиот, как я думать. А, впрочем, я думать, что все идиоты, кроме я.

Она снова рассмеялась.

– Что вы хотели спросить о... Дженни? – спросил я спокойно.

Пер-АПА перестала смеяться.

– Я знать, что это тяжелое дело. Я иметь доступ почти ко всем делам и лабораториям.

Я терпеливо ждал продолжения.

– Я хотеть узнать, как продвигаться твой успех.

– Не слишком прогрессивно.

– Я знать. Я следить за панель.

– Зачем вы тогда спрашиваете?

– Проверить твоя честность.

Это было бессмысленно. Ложь не имеет смысла среди нашей расы. Мы всегда говорим правду, но разве что только если нас спрашивают.

Пер-АПА казалась мне всё страннее и страннее с каждой минутой. Мне вдруг подумалось, что она совершенно ничего не знает о нашей расе, хотя, по слухам, наполовину является её частью.

Возможно, её необычное незнание появилось от того, что она постоянно работала с людьми и редко пересекалась с представителями нашей расы. Она поглощена работой. Она поглощена людьми.

Да, определённо, дело в этом.

– Я представлять, что ты думать, – вдруг сказала Пер-АПА. – Думать, я сходить с ума по людям. Думать, я сходить с ума.

– Нет, я так не думал. У нашей расы никогда не было проблем с психикой.

– Ах, ладно. Я устать от твоя нудная речь. Я просто хотеть сказать, чтобы ты говорить мне о продвижениях с Дженни.

– Зачем?

– Я хотеть знать.

– Зачем?

– Просто слушаться! Я так сказать!

– Я имею права хранить информацию втайне.

– Ты шутить? Я тебя ударить током.

Я никак не отреагировал, и она похихикала.

– Ладно, пока я не ударить. Но я сделать кое-что хуже. Я пожаловаться Вышке на тебя, ну что, бояться?

Я нахмурился.

– На что вы хотите пожаловаться?

– Неважно. Он поверить любому моему слову. Ты меня понять? Любое продвижение. Теперь уходить.

Зелёный огонёк стал красным, Пер-АПА перешла по проводам в дверную панель.

– Пока-пока.

Я, озадаченный и непонимающий происходящего, а, в особенности, это существо, снова не стал задерживаться и ушёл.

Когда дверь за мной закрылась, я услышал голос Пер-АПЫ из панели:

– Даже не попрощаться! Грубиян.

И она ушла из сети.

Объект 213Г-Ш-Ш

Вечером я решил не идти на контакт с объектом 358А-

Г-М. А, точнее, объектом Дженни. Я подумал и решил, что будет действительно лучше, если я буду знать имя объекта. Профессиональная провокаторша, хоть и со странностями, не посоветует того, что не действует.

Я заглянул в записи по объекту 213Г-Ш-Ш и понял, что мы действительно практически никогда не узнавали имён объектов.

Я зашёл в лабораторию объекта 213Г-Ш-Ш. Он плакал, сидя в темноте. В лаборатории я обнаружил Номер Два, которую не видел с тех пор, как мне дали объект Дженни. Мне казалось, Номер Два, которую вне лаборатории звали НиАР, избегает меня.

Я кивнул ей, когда поймал взгляд синих глаз. Номер Два не слишком дружелюбно кивнула в ответ.

– Ты мало работала в последнее время? – спросил я.

НиАР чаще всех остальных провокаторов работала со мной. Не то, чтобы я её устраивал, как Номер Один, но за работу, которую многие не хотели брать, а именно, за работу со мной, ей платили больше.

Возможно, вы уже давно задаётесь вопросом: почему же все так меня недолюбливают? Ну, это долгая история. Немного позже.

– Я работала ночью, – сухо ответила она. – Объект активен больше ночью, чем днём. Вы этого не замечали. Вы погружены в другое дело.

– Я почти доделал наше дело, Номер Два. Мне почти уда-

лось выяснить, из-за чего началась депрессия.

– Благодаря мне, – снова сухо отчеканила она, не отрывая взгляд от блокнота, в который она что-то записывала.

– В этом блокноте больше моих записей, чем твоих. Ты просто реализуешь идеи, которые я тебе говорю, – спокойно ответил я.

НиАР раздражённо вскинула голову.

– Может, я вам уже вообще не нужна, Номер Один?

– Я не это хотел сказать.

– Мне, как и всем представителям нашей расы, не нужна благодарность, как людям. Но я требую к себе уважения.

– Я уважаю тебя, Номер Два, – поспешил вставить я. – Я бы не смог, например, разговаривать с человеком целый час, как ты.

Она вздохнула, закрыла блокнот и ушла, кинув мне на прощание презрительную улыбку.

Я посмотрел на объект. Он до сих пор плакал. Я заглянул в блокнот, оставленный на столе. Мы занимаемся этим исследованием уже пять дней, и первые страницы блокнота исписаны моим почерком:

«Мужской пол. 34 года. Живёт один, ходил к психологу в среду, но почти всё время молчал. Ни на какие звонки не отвечает. Ночью спит плохо, часто просыпается и плачет.

Обновление: он уже практически не спит.

В четверг ходил в магазин за продуктами, но ничего не купил. Целый день ничем не питался. Выбросил какие-то

вещи в окно. Спустя пару минут вышел из квартиры и вернулся с этими вещами.

В пятницу ходил к психологу, опять едва выговаривал слова и молчал. Вечером смотрел какое-то шоу по телевизору.

Обновление: посреди ночи, резко проснувшись, позвонил кому-то, вследствие выяснилось, что психологу. Говорил, что до сих пор видит их во сне.

Вопрос: кого «их»?

Номер Два задела его плечом в библиотеке, куда он пошёл в субботу. Она притворилась неуклюжей и долго извинялась. Он неловко улыбался ей.

Она предложила извиниться «чашечкой кофе» (это была моя идея). Однако, к нашему разочарованию, он отказался. Тогда Номер Два спросила, что он читает.

Объект: «Я пока не нашёл свою книгу»

Номер Два: «Вы часто здесь бываете?»

Объект: «Я не был здесь уже... так давно»

Номер Два: «Почему вы решили прийти сейчас?»

Объект, усмехаясь: «Вы говорите, как мой психолог»

Номер Два посмеялась, достаточно естественно, как по мне. Разговор завязался, не слишком насыщенный, но неплохие результаты.

Они обменялись номерами.

Обновление (написано почерком Номера Два): ночью он снова звонил психологу и говорил о том, что встретил де-

вушку в библиотеке, похожую на Эмму. «А хотя нет, она совсем не похожа на неё. Просто я везде её вижу». Он сказал, что попытается вернуться к жизни.

Вопрос: кто такая «Эмма»?»

Я закрыл блокнот. Посмотрел на объект. Сколько можно плакать?

Объект Дженни

Утром, после многих сделанных дел (ведь люди, как всегда, очень долго спят), я пошёл в лабораторию объекта Дженни. Я продумывал новый контакт. Странно, я даже вошёл во вкус. До этого я всегда просто предлагал идеи провокаторам, говорил им, как лучше поступить, чтобы сблизиться с человеком. Но теперь я сам по себе, генератор и энергия. Мне это нравилось. Может быть, слишком.

Дождавшись двенадцати, я переключился. Вихрь перенёс меня на Землю.

Я стоял перед дверью объекта Дженни, которая снова сидела в душе. На этот раз вместе с пиццей.

Я позвонил в звонок. Послышался громкий вздох. Прошла минута. Никто не открывал. Прошла ещё минута. Я снова позвонил.

Объект открыл дверь. Она была уже одета в домашнюю одежду, лишь волосы её были мокрыми. Увидев меня, она нахмурилась. Мы оба молчали, и я глупо «обаятельно» улыбался.

– Привет! – выказал я человеческое приветствие. Затем, взяв себя в руки, продолжил: – Ты меня, наверное, помнишь. Я заходил к тебе вчера насчёт пиццы. Просто я недавно заселился и решил, – я старался говорить быстрее, боясь, что она закроет дверь раньше, чем я договорю, но она молча и хмуро

смотрела, – решил... решил, что наша первая встреча прошла не очень хорошо. Я привык, что с соседями должны быть хорошие отношения.

Объект долго молчал, смотря на меня с теми же сдвинутыми бровями. Я уже был рад, что она не закрывает дверь. «Прогресс!» – кричала моя система.

Но тут она вдруг начала делать странные движения руками. Жестикулировала ими, как могла, и я понял, что она неумело повторяет язык жестов.

Я невольно хмыкнул (очень странно явление).

В ответ я тоже начал жестикулировать, на языке жестов говоря: «Я знаю, что ты не глухонемая», и она удивлённо застыла. Объект Дженни не мог знать, что язык жестов универсален на всех планетах.

Она хотела что-то сказать, но вовремя закрыла рот, снова изображая язык жестов, который придумывала на ходу. Кажется, это ей начинало нравится.

Жестами я показал «Хочешь поиграть?», но она и это не поняла. Наверное, она подумала, что я показал нечто вроде «Хочешь кушать?», потому что начала изображать, будто съедает что-то.

Внезапно я рассмеялся. Я даже сам испугался своего смеха, услышав его. Это были странные звуки, похожие на задыхающегося животного, но ощущения оказались приятными.

Объект Дженни внезапно фыркнула и тоже засмеялась. Её смех явно отличался от моего, он был звонче и не оказал-

ся таким странным и страшным, так что я даже задумался, а смеялся ли я только что.

Она смеялась долго (ну, учитывая, что я и моя раса вообще не смеёмся), а затем сказала:

– Ну у тебя и смех.

– Спасибо, – неловко ответил я, и она снова рассмеялась.

Объект Дженни отошла назад, и я подумал, что она хочет пригласить меня в дом, так что дёрнулся вперёд, но тут она резко захлопнула дверь перед моим носом. Я снова остался стоять с самым глупым выражением лица, которое только можно было придумать.

– Спасибо, что повеселил, – слышался её голос за дверью, а затем всё стихло.

Я почувствовал ужасное разочарование. Я и предположить не мог, что если и я, и она смеялись, то всё может так просто кончиться.

Я чувствовал себя ужасно весь оставшийся день. Я старался избегать всех своих коллег, а если кого и встречал, то предательски дрожал от стыда.

Я рассмеялся! Я смеялся с человеком. Мне было ужасно неприятно об этом вспоминать. Я чувствовал себя словно брошенная девушка-человек, которая отдала себя, а взамен ничего не получила (задания о невзаимной любви были в самом начале моей работы – наискуднейшее занятие).

Вин де Ойла в комнате не было, и я мог спокойно сгорать

от стыда и унижения.

Я вспоминал карту нашей станции – это было огромное здание, которое трудно вообразить, не увидев. У нас было множество лабораторий с таким же бесчисленным количеством исследуемых. Иногда я думаю, сколько труда ушло на то, чтобы доказать отсутствие сознания человека, но, мало того, что пока мы этого не доказали, так ещё возникает вопрос: стоит ли это того?

Естественно, мы изучали не только людей. В некоторых зонах станции есть другие исследования, но я ими никогда не интересовался.

Так вот, думая об этом, я пытался вообразить, что будет, если я ненадолго спрячусь в другие зоны, чтобы мои коллеги какое-то время меня не видели.

Это было так унижительно, глупо и... человечно. Я заставил свою систему изгнать эти мысли. Кажется, всё пришло в норму.

Я подумал о Пер-АПЕ. Не успев всё хорошо обдумать, встал и направился к ней.

Пер-АПА

Окна были затемнены, но мне было почему-то уже наплевать, я уже не боялся Пер-АПУ, как раньше. Наверное, я понял, насколько она безумна.

Приложив палец к панели, я почувствовал удар тока и отскочил.

– Идиот! Не видеть, что окна темны? – послышалась ругань из дверной панели. Но Пер-АПА внезапно радостно продолжала: – Наконец-то получится ударить кого-то током! Заходить.

Дверь открылась, и я с сомнением прошёл вперёд.

Пер-АПА не перешла в работа. Она бегала по проводам, чем-то занимаясь.

– Я отвлекаю? – уточнил я, хотя это было уже неуместно.

– Поздно! – в подтверждение отвечал голос. – Ты уже прийти. Что ты хочешь? Дженни?

– Да, объект Дженни. У меня было продвижение. Мне удалось её рассмешить.

– Что, правда? Ну, я говорить, что ты не такой идиот, каким казаться.

Возможно, она стала щедр на комплименты, потому что была погружена в какие-то дела. В одном месте от проводов летели искры. Вся её комната была большим скоплением проводов и электроприборов. В остальном она была по-

хожа на остальные лаборатории: специальные аппараты для переключения и отслеживания, большая панель «телевизора» и так далее.

– Но я тоже... смеялся.

Сначала Пер-АПА не поняла, что в этом такого. Затем она вдруг расхохоталась.

– Ты смеяться! Вот это да! Человек заставить тебя смеяться, кто бы мог подумать.

– Вы просто не понимаете, насколько это унижительно, поэтому я вам и рассказал.

– Я для тебя что, психолог?

– Я не жду от вас поддержки! – презрительно сказал я. – Просто я не мог больше терпеть стыд внутри. Лучше вы издевайтесь надо мной.

– Издеваться? Ха!

Внезапно сверкнула какая-то вспышка, и искры начали летать туда-сюда.

– У меня тоже прорыв в деле! – радостно сообщила Пер-АПА. – А издеваться над тобой... Да, разумеется. Кстати, ко мне заходить Вышка и спрашивать про тебя. Он замечать, что ты ко мне заходить. Он считать, твои визиты утомлять меня и мешать работать. Вот идиот! Все визиты меня утомлять. Ещё он думать, что я помогать тебе с Дженни.

– Надо же, он мне ничего не говорил, – пробормотал я.

– Все вы, как люди, начинать хранить тайны.

После разговора с Пер-АПОЙ я хотел зайти к Вышке и спросить, почему он спрашивает обо мне у неё, а не у меня самого. Последняя фраза Пер-АПЫ о тайнах прочно закрепилась в моей системе. Я решил обдумать это, как только переключусь с мысли о Вышке.

Тем не менее, уже возле его кабинета, у меня резко начали звонить часы. Это была НиАР. Я нажал на кнопку, и часы транслировали звонок мне в уши через специальный провод (если вам интересно, часы – главное универсальное устройство на нашей станции, они мелкими проводами обхватывают всё наше тело, контролируя нашу жизнедеятельность и позволяя, с их помощью, использовать множество функций, как например, общение на расстоянии).

– Я слушаю, – спокойно сказал я.

– Объект 213Г-Ш-Ш пытался покончить с собой, – в голосе НиАР, звучавшем в моих ушах, к моему удивлению, слышался укор.

Я быстро взглянул на часы. Уведомление о деятельности объекта приходило в 13:40 (переведено для человеческих читателей). Я не обратил на уведомление внимания, думая, что он снова плачет или разговаривает по телефону.

– И что? – спросил я.

– Мы чуть не потеряли объект, – так, как будто это очевидно, ответила она.

– И что? – снова спросил я. – Смерть объекта иногда не мешает цели исследования.

Я слышал, что НиАР вздохнула, но она ничего не сказала и сбросила звонок. Я пытался понять причины её поведения, но не смог. Я снова вспомнил тайны, о которых говорила Пер-АПА.

Объект 213Г-Ш-Ш

В 14:12 (переведено для человеческих читателей) я пошёл в лабораторию объекта 213Г-Ш-Ш. В это же время мне пришло уведомление о деятельности объекта Дженни, но я решил отложить проверку.

Объект 213Г-Ш-Ш был в больнице. Это была неожиданная смена обстановки, совершенно другая атмосфера и эмоциональный фон.

Я оглядел лабораторию: кроме некоторых компьютерных работников (если вам интересно, чем они занимаются, я вам скажу – обычно они контролируют эмоции и внутреннее состояние, переписывая его на компьютере в специальный код, который может читать только наша раса).

НиАР в лаборатории не оказалось.

Я посмотрел на объект через большую панель. Лицо представителя мужского пола было очень бледным. Заметив блокнот на столе рядом с панелью, я открыл его. Почерк НиАР.

«13:40 (переведено для человеческих читателей). Объект резко вскочил с кровати, побежал в ванну. Достал какие-то таблетки. Принял большое количество, гораздо больше, чем обычно. Он упал без сознания. Показатели жизнедеятельности падают.

В это время, в течении десяти минут, телефон объекта

постоянно звонил. До того, как принять таблетки, объект со злости (как предписывает система) разбил его.

После принятия таблеток объект лежит без сознания уже две минуты, и показатели жизнедеятельности становятся всё хуже. В дверь постучали. Постучали ещё раз. Послышался скрежет, дверь открылась, и в квартиру зашёл психолог объекта.

Примечание: у психолога были ключи от квартиры объекта.

Вопрос: близкие друзья?

Психолог заметил сломанный телефон, затем прошёл в ванную и увидел объект. Как предписывает система, психолог испугался. Он быстро достал свой телефон и позвонил в скорую помощь.

Через пару минут объект госпитализировали. После промывания желудка, он очнулся.

Примечание: психолог отменил свои сеансы ради того, чтобы быть рядом с объектом».

Подняв голову, я действительно увидел психолога рядом с объектом. Если вы человек, вам, возможно, будет интересно, так что я скажу: психолог – представитель мужского пола, с чёрными аккуратно уложенными волосами и пронзительным взглядом. Он был чем-то схож с объектом, возможно, пронзительными карими глазами, а, может, впечатлением серьёзного человека, которое оба производили.

Но это только если приглядываться. Для меня все люди

были похожи.

– Ты меня нашёл? – спросил внезапно объект, пронзив тишину лаборатории, нарушаемую лишь клацаньем клавиатуры.

Психолог, которому был задан вопрос, не смотрел в глаза объекту.

– Да, я. Ты не отвечал на мои звонки. До этого, пока мы разговаривали, я понял, что ты в критическом состоянии.

– Не надо было давать тебе ключ, – в упор смотря на собеседника, говорил объект.

Психолог повернул голову, они встретились взглядами и внезапно одновременно усмехнулись.

Я вздохнул, подвинул к панели кресло и сел, схватив блокнот.

«Критическое состояние.

Объект, кажется, шутит».

– У тебя должны быть сеансы в это время, разве нет? – спросил объект.

– Я их отменил.

– Не стоило.

– Я спасаю своего клиента. Можно сказать, у меня сейчас идёт сеанс.

– Всё это ради моих денег, да?

Они снова усмехнулись.

«Объект шутит. Возможно, шутками пытается разрядить обстановку. Другой вариант типичного поведения: пытается

смеяться, чтобы не плакать».

Я взглянул на красные глаза объекта. Зачеркнул фразу про обстановку и подчеркнул второй вариант.

– Разумеется, – с небольшой паузой ответил психолог. – Как же иначе.

Из-за паузы сарказм показался неуместным. Я решил это не записывать.

– Я чувствую себя лучше, – произнёс объект. – Сеанс окончен.

Я всё ждал, когда психолог спросит нечто вроде «Зачем ты это сделал?», чтобы дать и мне ответы на многие вопросы, но либо ему ответ был известен, либо был настолько очевиден, что и спрашивать было бессмысленно.

– Неужели я первый твой клиент, который пытался покончить с собой? – снова подал голос объект.

– Честно говоря, да. Но я не хочу, чтобы ты думал, что я сижу тут из-за обыкновенной любопытности, в целях изучить и такие случаи.

– Ну, а если я всё же так думаю?

Психолог вздохнул и покачал головой.

– Я сижу здесь, потому что беспокоюсь о твоём здоровье и хочу помочь. И дело не в моей, свойственной докторам, любопытности, и не в твоих деньгах. Может, я сентиментален и старомоден, но я человеколюбив.

Объект лишь покачал головой и отвернулся.

«Объект не человеколюбив. Типичный пример разочаро-

вания».

Я подчеркнул последнее слово, закрыл блокнот, встал и вышел. Дело было очень нудное.

Объект Дженни

Я пошёл в лабораторию объекта Дженни. Я так и знал, что она будет принимать пищу, особенно учитывая уведомление об активной деятельности.

На голове у неё торчал невообразимый пучок, больше похожий на гнездо или растормошенный пчелиный улей. Такие причёски не делают даже представительницы нашей расы на праздники.

Я сел на кресло перед панелью и откинул голову, наблюдая за тем, как крошки единственной оставшейся сырной пиццы падают на стол из её рта.

– Дженни, – произнёс я от скуки вслух, пытаюсь понять, что значит её имя.

Наши имена всегда что-то значат. Даже моё имя, Сентябрь, значит кое-что, правда не слишком оригинальное. Мои родители либо не обладали большой фантазией, впрочем, как свойственно всей нашей расе, либо не хотели ребёнка и все свойственные ему мороки, включая выбор имени. Учитывая, что родители отдали меня в Дом Учёных после моего рождения, то, очевидно, больше подходит второй вариант. Они назвали меня Сентябрём, потому что я родился в Сентябре.

Возможно, если вы не представитель нашей расы, вам будет интересно, что же это за Дом Учёных. Это что-то вроде

человеческого детского дома, однако всё там гораздо лучше и более систематизировано (впрочем, как и всё остальное). В Доме Учёных не просто ухаживают за детьми без родителей, их готовят к научным станциям.

Меня готовили к этой. С детства я изучал людей. И с детства я знал, что сознания не существует. Я был уверен, что это уже доказали. Поэтому, когда меня отправили сюда с этой целью, я был крайне удивлён и разочарован.

Я вздохнул и сосредоточился на объекте. В это же время она встала, заглянула в мусорную корзину под раковиной и почему-то вздохнула, как будто пародируя меня.

Естественно, это была полная ерунда. Я увидел, что корзина переполнена, и всё понял. Тут же я подумал, что это мой шанс.

Быстро подскочив, я нажал на панель переключения и выбрал внешний вид. Люди почему-то до жути любят менять одежду. Я выбрал на панели светлую футболку и какие-то разноцветные шорты, похожие на домашние.

Объект тоже переодевалась, накидывая тёмную куртку и надевая штаны. Пучок она решила не распускать.

Подумав, я добавил на футболку пятно от кетчупа. Да, кажется, выглядит естественно. Также я набрал в поиске «наполненный мусорный пакет», и из аппарата сзади это появилось.

Объект уже взял свой мусорный пакет и вышел из квартиры. Я дождался, пока она спустится по лестнице на пер-

вый этаж многоэтажной квартиры (это, кстати, было новой информацией) и я пойму, где находится мусорный бак.

Он находился на улице, сзади дома, прямо рядом с чёрным выходом. Как только объект подошёл к двери чёрного выхода, я нажал на кнопку переключения и оказался рядом с дверью в её квартиру.

Я побежал, как говорят люди, как угорелый, пытаюсь не уронить мусорный пакет. Я едва не упал с лестницы, но через пару секунд уже был на первом этаже и выходил к мусорному баку.

Объект, услышав, что дверь открывается, даже не подняла голову. Мне показалось, что она, наоборот, будто вжала голову в плечи, пытаюсь спрятаться. Быстро выкинув мусор, она уже собиралась возвращаться, но тут краем глаза взглянула на меня и узнала.

Она остановилась, и на её лице я увидел раздражение. В свою очередь я постарался улыбнуться, но после этой спешки получилось не слишком естественно.

– Какая встреча! – воскликнул я. – Привет.

– Ты что, следишь за мной? – злобно рявкнула та.

– Что? Да я, блин, мусор выбрасываю, – подстраиваясь под её раздражённый тон, ответил я и показал в подтверждение на свой пакет в руке. Я удержался, чтобы не показать на пятно кетчупа на своей футболке и не сказать: «Видишь, я же даже в домашней одежде и совершенно не подозрителен».

Она посмотрела на мой пакет так, словно он в чём-то ви-

новат, раздражённо покачала головой и двинулась к двери.

– Да почему ты такая злая? – от отчаяния громко произнёс я.

Она злобно бросила через плечо:

– Просто забей уже.

Я продумывал ход действий.

– Ты думаешь, я хочу к тебе подкатить? – хмуро сказал я и быстро крикнул: – Да я гей!

Это был, может быть, и не лучший выход из ситуации, но он сработал. Объект Дженни замер и, сдерживая смех, посмотрел на меня. Затем она, не отводя взгляда, прыснула и расхохоталась.

– Ну прямо крик души, – усмехнулась она, осматривая меня с ног до головы. – Ну... Уж извини, что была о тебе плохого мнения. У нас, интровертов, часто бывает предвзятое отношение.

Интроверт. Я был растерян, потому что не мог вспомнить, что это значит.

Объект внезапно снова рассмеялся.

– Ты что, не знаешь, кто такой интроверт?

– Я... не могу вспомнить.

Она усмехнулась и ушла, не сказав больше ни слова.

Вернувшись в лабораторию, я тут же начал искать информацию об этом странном слове. Оно казалось мне знакомым, но я всё никак не мог вспомнить его значение.

Когда же в компьютере я нашёл определение, то тут же схватил блокнот и написал огромными буквами на всю страницу:

«ИНТРОВЕРТ».

Я подчеркнул это слово красным маркером.

«...тип личности, сосредоточенный в большей степени на своем внутреннем мире и в меньшей степени на внешнем».

Мне казалось это таким очевидным ответом на все вопросы, что стало даже смешно.

Я побежал к Вышке, чувствуя себя гением. Он был в своём кабинете, как всегда, и принял меня сразу, хоть и не очень радушно.

– Да-да, – равнодушно ответив на мой кивок приветствия, бросил он.

Стараясь не слишком переключать на меня внимания, он работал в компьютере.

– Вышка, я считаю, что дело 358А-Г-М бессмысленно продолжать.

Вышка вскинул на меня глаза и нетерпеливо ждал продолжения. Я положил блокнот на его стол. Он взглянул на слово «Интроверт», жирно подчёркнутое красным маркером, и нахмурился.

– Да, я припоминаю. Один наблюдатель тоже упоминал об этом.

И он посмотрел на меня в ожидании продолжения, в то

время как я надеялся, что больше никаких слов не потребуется.

– Но... ведь это объясняет отсутствие необходимости в общении.

– Во-первых, – вздохнув и откинувшись на спинку кресла, начал Вышка, – мы не доказали, что интровертами рождаются. Это дело сложно тем, что необходимо выяснить причину становления такого типа личности.

Я молча и с нескрываемым разочарованием слушал. Вышка снова переключил внимание на компьютер.

– Во-вторых, – продолжал он без всякой интонации в голосе, – ты забыл про отсутствие усталости от однообразия.

– Но ведь это тоже можно приписать к её типу личности.

– Сентябрь. – Вышка снова вздохнул. – Ты прекрасно знаешь, что нельзя анализировать без фактов. Нельзя делать то, что делает человек. Если ты предлагаешь решение, то позволь предоставить и доказательства.

– Да, Вышка. Я всё понимаю.

Неловко забрав блокнот с его стола, я вышел из кабинета. Мне припомнилось моё старое дело о девятилетнем мальчике, который поймал какое-то насекомое в лесу и думал, что это никем ранее невиданный вид. Узнав, что это обыкновенная божья коровка, только белого цвета, он, до этого хранивший насекомое в специальной баночке и подкармливающий, раздавил его ногой.

Объект Роберт

Я решил поспать два часа в промежуток между восемью и десятью часами, чтобы ночью наблюдать за объектом 213Г-Ш-Ш, имя которого я до сих пор не знал.

В пятнадцать минут одиннадцатого (переведено для человеческих читателей) я направился в лабораторию. До этого НиАР «любезно» сообщила мне, что объект настоял на выписке из больницы и уже едет домой.

Когда я пришёл в лабораторию, объект находился уже дома и лежал на кровати, пустым взглядом смотря в потолок. Внезапно я сравнил его взгляд со взглядом объекта Дженни и, неожиданно для себя, обнаружил различия.

До этого я даже не думал о различии взглядов людей, но сейчас внезапно задумался. Взгляд объекта Дженни, хоть и казался мне ранее пустым, всё же изображал какие-либо эмоции.

Взгляд объекта 213Г-Ш-Ш не изображал никаких эмоций. Я подошёл к компьютерным работникам, заглядывая в их компьютеры и читая код объекта, пытаюсь узнать показатели жизнедеятельности. Из-за таблеток различные нервные клетки, отвечающие за эмоции, были приглушены, то есть находились в состоянии покоя и никак не влияли на объект.

Я записал об этом в блокнот.

Через пару минут у объекта зазвонил телефон. Это был

другой телефон, не тот, который лежал у его кровати, в дребезги разбитый.

Звонил психолог. Я настроил «телевизор» на трансляцию телефонного звонка, сел в кресло перед панелью и приготовил блокнот.

– Здравствуй, Роберт. Как ты? – спрашивал психолог.

«Психолог действительно переживает о состоянии клиента.

Вопрос: насколько близкие они друг другу люди?»

Внезапно я вздрогнул, поняв, что психолог только что назвал имя объекта. Я даже не обратил на это внимания сначала.

На обложке блокнота я написал большими буквами «Роберт».

– Я? Нормально, – отвечал объект Роберт спокойно.

Его состояние действительно было спокойным, но не только компьютер со своим кодом понимал, что причиной тому были не только таблетки, но и психолог.

– Я был неприятно разочарован, узнав, что ты попросил выписать тебя из больницы раньше времени. Завтра понедельник, ты помнишь? У нас запланирован сеанс.

– Я помню, доктор. Помню.

– Я не доктор, Роберт, а всего лишь психолог.

– Мне всё равно. Вы спасаете людей.

Это растрогало психолога.

– Спасибо.

Я закатил глаза, поняв, что пауза затянулась (исключительно для меня, ни для психолога, ни для объекта молчание не было неудобным), и нетерпеливо ожидая продолжения. От скуки я записал:

«Комфортное молчание между собеседниками. Степень близости повышена».

– Ложись спать, Роберт, – настаивал психолог. – А утром не забудь выпить таблетки.

Объект ничего не ответил, но кивнул, будто его собеседник мог видеть этот кивок.

Объект Роберт сбросил трубку, бросил равнодушный взгляд на беспорядок в комнате и залез под одеяло. Он не плакал, но почему-то дрожал.

Я встал и взглянул на компьютеры. Действие таблеток начинало ослабевать. Но объект вскоре заснул, и дрожь прекратилась.

Я отложил блокнот и начал думать о понедельник и о том, что в этот день объект Дженни выйдет на работу.

Объект Дженни

Ночью я читал различные научные исследования о людях, а также повторял психологические приёмы, которые мы изучали в Доме Учёных и в первое время на станции.

В 6:00 (переведено для человеческих читателей) пришло уведомление о деятельности объекта 358А-Г-М, то есть Дженни.

Я отложил книги (вечные источники знаний) и направился в лабораторию.

Объект Дженни с трудом просыпался. Меня слегка забавлял процесс пробуждения людей, особенно рано утром. Если мы вставали без всяких трудностей, то люди просыпались так, будто умирали.

Объект Дженни не была исключением. Она раза три пыталась подняться, но максимум, что ей удалось, – это принять сидячее положение. Заспанными глазами она взглянула на тумбу, где стояли часы, и, вздохнув, встала с кровати.

Я наблюдал за её болтавшемся при движениях лохматом пучке. Пока она чистила зубы, я думал о том, насколько этот пучок лохматый, и представлял, как объект будет отрезать его ножницами, чтобы распустить волосы. Другого выхода для того, чтобы распустить этот ужасный пучок, я не видел.

Наконец, она сделала все обыденные дела и уже надела куртку, чтобы выйти на улицу (и ей даже удалось невообра-

зимым образом причесать свои волосы). Она прихватила какую-то сумку с бумагами и вышла.

Я достал блокнот.

«В метро ехала в наушниках. Ни на кого не смотрела.

Признаки интроверта».

Мне нравилось теперь везде подписывать эту фразу и это слово, будто они могли всё объяснить. Однако вместе с тем я не мог забыть тот ужасный провал с Вышкой.

«На работу пришла вовремя, к семи тридцати.

Села за свой рабочий стол, ни с кем не здороваясь. Впрочем, с ней никто не здоровался тоже».

И тут начались долгие часы бесполезного времяпровождения. Я, надеясь, что её пребывание на работе окажется полезным для продвижения исследования, был разочарован. Я записывал лишь некоторые моменты, которые мог бы и не записывать, но записывал от скуки.

«Делала расчёты, составляла бухгалтерские отчёты.

С математикой всё хорошо, ошибок нет.

В 11:40 (переведено для человеческих читателей) вышла в туалет. После потянулась, села обратно. Достала воду из своей сумки».

После этого я поставил стрелочку и подписал с вопросом «Брюзгливая».

«В 12:58 (переведено для человеческих читателей) закрыла вкладки, встала и налила в пустую бутылку воду из кулера. В 13:00 (переведено для человеческих читателей) напра-

вилась на обед».

От обеда я поставил стрелочку и подписал «Ни с кем не пересекалась».

После обеда меня загрызло чувство, будто я трачу время впустую. Пообедав, она снова начала делать те же самые отчёты, даже изредка не выходя на улицу, как её коллеги, чтобы отдохнуть от компьютера.

В 13:13 (переведено для человеческих читателей) мне пришло уведомление о деятельности объекта 213Г-Ш-Ш, и я решил проведать его.

Зайдя в лабораторию объекта Роберт, я обнаружил там НиАР.

– Номер Два, – уважительно кивнул я.

Она кивнула в ответ, не стараясь скрыть, что моё выказанное уважение тут же подняло ей настроение. Я наконец угодил ей.

– Как объект? – поинтересовался я.

– Только что проснулся.

– Неужели? Эти люди вечно спят и спят вечность.

НиАР усмехнулась, обнажая тёмные дёсны с синими зубами и, кажется, впервые за долгое время показывая искреннюю улыбку в диалоге со мной.

Она показала мне результаты компьютерной диагностики, то есть кода о состоянии объекта, и в них было сказано, что его нервные клетки снова начинают разрушаться.

– Я попросила проанализировать мозг объекта во время сна, вот что получилось, – она показала мне другой код.

– Ему снились кошмары, – кивнул я.

Как бы то ни было, наши технологии не были настолько продвинуты, чтобы транслировать сны и мысли людей. Я часто думал о том, что, возможно, в этом состоит причина продолжительного отсутствия доказательств в «антисознании» (как мы иногда называем нашу работу).

Может, если бы мы могли заглянуть в сны, то сразу всё поняли бы?

«Объект Дженни ушёл с работы в 15:00 (переведено для человеческих читателей). Конец её рабочего дня заканчивался двумя часами позже, но она сделала всю работу раньше.

Примечание: она заходила к начальнику, постучала в его кабинет, и тот, ничего не сказав, кивнул ей. Очевидно, она часто выполняла работу до конца рабочего дня и уходила домой.

Примечание: остальные коллеги, хоть и смотрели на уходящий объект с завистью, ничего не говорили. Зависть была «белой». Очевидно, они к этому привыкли».

Объект Роберт

Когда объект 358А-Г-М зашёл в метро, я вернулся в лабораторию объекта 213Г-Ш-Ш. НиАР всё ещё была там, но уже собиралась уходить.

– Номер Один, мне нужно уходить на другое дело, – сообщила она и вышла, а я даже не успел кивнуть ей на прощание.

Как у наблюдателей может быть несколько дел, так и у провокаторов, и это всё ещё поражало меня. Они могли утром идти на контакт с одним объектом, а вечером – с другим. Хотя я уже почти привык к контактам с людьми, а именно к контактам с объектом Дженни (ибо я её уже практически не боялся), я всё ещё не мог представить, каково бывает провокаторам, у которых несколько исследований.

Я взглянул на объект Роберт, и мысль, внезапно нарушившая мои мыслительные процессы, поразила меня.

Психолог уже уходил. Он действительно прибрался в комнате, и Роберт сказал, что ему полегчало, но он хочет побыть один.

Когда психолог ушёл, я включил панель переключения. Руки у меня слегка дрожали, когда я нажимал внешний вид. Я настроил свой вид так: лохматые волосы, мешки под опухшими красными глазами, мятая одежда.

После этого в «Инструментах» я вбил в поиск «Коробки

с различными вещами и стеклянной вазой». Когда аппарат выдал коробки, я взял их в руки и снова повернулся к панели.

Один из компьютерных работников с сомнением посмотрел на меня.

– Номер Один?

Я обернулся, слегка разозлившись (и это было, естественно, несвойственно), что меня отвлекали.

– Всё под контролем!

Тот никак не отреагировал и продолжил строчить в компьютере. Я глубоко вздохнул и нажал кнопку переключения.

Вихрь подбросил меня перед дверью в квартиру объекта. Я оглянул местность: это был коридор с ещё двумя дверями на другом конце, но они находились достаточно далеко для того, чтобы я мог спокойно делать то, что запланировал.

Со всего размаху я бросил одну коробку на землю. Через две секунды бросил ещё одну и, наконец, бросил ту, в которой лежала стеклянная ваза. После этого я сам упал на коробки и притворно застонал. Всё сопровождалось грохотом и звуком битого стекла.

Я слышал шаги со стороны квартиры объекта и продолжал стонать. Сердце у меня бешено билось, возможно, от «адреналина» (это чувство, впрочем, иногда встречается у нашей расы).

– Эй, чувак, ты чего? – послышался голос объекта из-за двери. Он смотрел в глазок.

Я повернул голову в его сторону, но закрыл лицо руками и снова застонал.

Прошли напряжённые пару секунд, послышалось «Чёрт», и дверь начала медленно открываться. Объект Роберт склонился надо мной.

– Ты выпил лишнего что ли?

Я убрал руки от лица. Он заметил мои красные «заплаканные» глаза.

– Нет, – прохрипел я. – Я не пил. Я просто устал.

Объект Роберт задумчиво кивнул, помог мне встать. Касание человека испугало меня, но я скрыл это. Объект осмотрел мои коробки и помотал головой.

– Ты споткнулся? Всё вдребезги.

– Я разозлился.

– Где твоя квартира?

– Меня выгнали. Я хотел вернуться, но перепутал этажи.

– Ты всё-таки выпил немного, да? – прищурился объект, но слабо улыбнулся. – Ладно, давай зайдём ко мне. Если ты вор, то у меня всё равно нечего красть. А если маньяк, то я только буду рад.

Я искоса взглянул на него, изображая недоумение. Он тихо посмеялся, взял мои коробки и занёс в свою квартиру, а затем пригласил и меня.

Мой план сработал.

– Видел бы ты мою квартиру буквально полчаса назад, –

горько усмехнулся объект, закрывая дверь.

Он подвинул мои раздавленные коробки и снова пробор-мotal:

– Вдребезги... – И громче добавил: – Это всё, что у тебя было? Все твои вещи?

– Не все, – вздохнул я, стоя у двери и «еле держась на ногах».

Объект Роберт искоса осмотрел меня. Он провёл меня на кухню, которая от его комнаты ограждалась лишь небольшой шторкой, и там усадил на стул.

– Ты голоден? – спросил он, открывая холодильник. – У меня осталось пару бутербродов. Но не гарантирую, что они вкусные.

– Я не голоден, – угрюмо смотря в стол, бурчал я.

Я хвалил себя в мыслях. Мне казалось невероятным, что я – именно я, обыкновенный Номер Один, – мог играть так гениально.

Объект Роберт смотрел на меня, стараясь придумать, чем помочь. Я чуть было на автомате не взял блокнот и не написал «Сострадательный», но вовремя остановился. Объект закрыл холодильник и сел на стул рядом.

– За что выгнали? – осторожно поинтересовался он.

Возможно, он пытался отвлечься от своих проблем, спрашивая о моих, но я стремился выяснить не это.

– Мой друг погиб пару недель назад, – произнёс я надломленным голосом. Объект напряжённо вздрогнул. – А жена

сказала, что я перестал уделять ей мало внимания. Но я... не мог перестать винить себя. В его смерти.

Объект Роберт с минуту молчал, стараясь совладать со своими собственными эмоциями. Я был на верном пути.

– Как твой друг умер?

– Попал в аварию. Он был за рулём.

Объект снова помолчал, сглатывая ком в горле, но не в силах совладать с ним.

– А почему... почему ты винишь себя?

– Я его отвлёк. Я был в машине... – Я замолчал, изображая тяжесть от того, насколько больно об этом говорить. – Я был сзади... Со мной ничего не случилось.

На этот раз я, кажется, промахнулся, но был один шанс на миллион угадать, из-за чего винил себя объект Роберт. Тем не менее, он продолжал сочувствовать мне.

– Твоя жена должна была понимать, в каком ты состоянии. Какая же она... – Он раздражённо сжал кулаки, мотая головой.

– Ничего страшного, – «грустно» произнёс я. – Я её понимаю... Я невыносим. Мне казалось, я сойду с ума.

– Слушай, ты можешь думать, что я вру, но я тебя прекрасно понимаю, – лихорадочно прошептал объект, наклоняясь ко мне. – Я понимаю тебя настолько, что...

Он не договорил, снова откинулся на спинку кресла, помотал головой и старался успокоиться.

– Я отойду на секунду? Сиди здесь и не уходи, ладно? –

бормотал он, поднимаясь со стула. – Я тебя прекрасно понимаю...

Я слышал, как он шуршал упаковками таблеток. Вернулся он уже менее эмоциональный.

– Слушай... Как тебя зовут?

Я на секунду замешкался. Прокोल!

– Джен.

– Джен?

– Да... Сокращённое.

Очевидно, он ожидал того, что я скажу полное имя, но так как я молчал, объект продолжал:

– Так вот, Джен... Меня зовут Роберт. Понимаешь, такие, как мы с тобой, должны держаться вместе.

– Почему? – нахмурился я. И для убедительности добавил: – Что у нас общего?

– Мой друг тоже... погиб. И моя девушка тоже. И я уже много месяцев... виню себя в их смерти.

– Что? – «удивлённо» пробормотал я. – Почему?

Объект Роберт открыл рот, но не смог ничего сказать, зажмурил глаза и помотал головой, будто говоря: «Прости, но я даже вспоминать об этом не могу».

– Я сочувствую, – проговорил я тихо и схватился за голову, уткнувшись взглядом вниз. – Можем не говорить об этом. Я всё прекрасно понимаю.

Объект Роберт положил руку мне на плечо (я скрыл мурашки от страха прикосновения человека) и выдавил слабую

улыбку.

– Это судьба, Джен. Судьба свела нас вместе.

Энтузиазм объекта начинал меня пугать. Я не продумывал план настолько далеко и уже начал корить себя за это. Однако у меня просто не было времени.

И что на меня нашло? Что мне теперь делать?

– Роберт, мне пора уходить. Меня ждёт мой брат.

– Брат? Какой брат?

– Я буду жить у него теперь. Некоторое время.

– Ох, чёрт... Ладно. Но это судьба! Джен, мы должны ещё встретиться.

Я мог лишь «слабо» кивнуть.

– Давай встретимся завтра вечером? Днём у меня дела, – продолжал быстро говорить объект.

– Я иду завтра вечером к психологу.

– Чёрт! Ты тоже... Это невероятно. Это судьба. Тогда послезавтра? Послезавтра сможешь?

– Я не знаю... Не знаю. Мне ужасно тяжело.

– О, Джен, я понимаю! Я прекрасно понимаю. Вот... – Он схватил салфетку и сбегал за ручкой. – Вот мой номер. – Он протянул мне каракули, которые быстро начиркал на салфетке. – Мой номер.

Я кивнул, забирая салфетку. С каждой секундой моё желание поскорее уйти из этой квартиры усиливалось. От смешанных чувств моя система начинала давать сбои.

– Мне нужно идти, Роберт...

Я встал, быстро направляясь к двери. Моё смятение он воспринял как боль от того, что мы ворошили «плохие воспоминания». Ему самому было больно.

Он подавал мне раздавленные коробки и бормотал:

– Джен, позвони мне, как сможешь встретиться... Я не верю в случайности. Мы можем помочь друг другу.

Я кивал и кивал, бесконечно кивал, отвечая на его несвязные предложения, дрожащими руками хватая коробки.

Я находился в контакте слишком долго, и время было неправильным. Частоты переключения были слишком слабыми.

Моя система давала сбой.

Когда я перенёсся обратно в лабораторию, НиАР уже недовольно ждала меня там.

– Номер Один, при всём уважении, – начала она с наигранным приличием, но я перебил её.

– Простите, Номер Два, но мне сейчас не до ваших нотаций. Я выяснил всё, что хотел, и, несмотря на опасности, это оказалось огромным продвижением.

В подтверждение своим словам, я схватил блокнот и начал быстро записывать всё, что произошло.

НиАР угрюмо наблюдала за мной.

– Я вынуждена сообщить о вашей выходке Вышке. Запрещено без разрешения становиться Номером Два.

– Номер Два, я не претендую на ваше место. В распи-

сании провокаторов сказано, что разрешено идти на контакт тогда, когда считается нужным. Я посчитал этот контакт нужным, и он оказался действительно прогрессивным. Но я всё ещё Номер Один, а вы всё ещё Номер Два. Давайте всё так и оставим.

Я постарался поскорее выйти из лаборатории, чтобы скрыть дрожь, бьющую всё тело (возможно, дело было в «адреналине», но, скорее всего, это было следствием слабых частот при контакте).

НиАР преградила мне проход.

– Прошу прощения, Номер Один, – или мне лучше сказать Номер Два? – вдруг непривычно ехидно вставила она, – но я всё же сообщу об этом Вышке.

– Я Номер Один! – отчеканил я, но она, гордо вскинув голову, отвернулась и ушла.

Задатки человека

Я заглянул в лабораторию объекта 358А-Г-М. Устало взял блокнот и записал:

«16:24 (переведено для человеческих читателей). Объект Дженни уже дома. Она разделась и лежит на кровати, смотря в потолок».

Я вздохнул. Меня всё ещё била дрожь от контакта с объектом Робертом, но больше меня заботило то, что сказала НиАР. Не то, чтобы я боялся того, что выскажет Вышка о моей «выходке». Нет, я знал свои права, я лишь боялся, что он заметит, насколько я был взволнован.

Но Вышка не заметил. Либо он был слишком занят, либо недостаточно вглядывался в меня, либо он всё же заметил, но ничего не сказал, однако мои страхи оказались необоснованными, как я и предполагал.

НиАР, как и обещала, сказала Вышке о том, что я сделал, и Вышка говорил почти то же, что и она, когда я пришёл к нему в кабинет.

Я, в свою очередь, говорил ему то же, что говорил НиАР, и, в конце концов, Вышка уже был готов отпустить меня, попросив больше так не делать.

Однако, когда я уже открывал дверь, он задержал меня.

– Слушай, – сказал он медленно, что могло означать только серьёзность начинаемой им речи, – ты ведь помнишь, как

ты впервые попал на нашу станцию?

Я прекрасно знал, чего он добивается. Знал – и потому не хотел слушать.

– Я вас понял, – поспешно бросил я и хотел уйти.

– Подожди, я не договорил.

Я вздохнул, отпустил дверь и вернулся, сев в кресло перед столом Вышки и своим видом показывая «Я слушаю вас внимательно, но в то же время мне совершенно не хочется это делать».

– Я работаю Вышкой уже на протяжении семи лет, – сказал он, соединив чёрные кончики пальцев синих рук. – Ты прибыл сюда три года назад, с репутацией «слишком активного» и «ярого» учёного. Знаешь, что это значит?

– Прекрасно знаю.

Но Вышка всё же разъяснил, непонятно зачем и кому, но вам, читателям, возможно, будет интересно это послушать.

– В Доме Учёных очень много... сирот. Нашей расе несвойственна любовь, забота и преданность. Нам свойственно уважение, точность, ум. Когда ты был в Доме Учёных, тебя учили «антисознанию» у людей. Ты помнишь, что ты однажды спросил? – Я молчал, и он продолжал. – Ты спросил, почему родители оставили тебя одного, ведь тебе было «одиоко» без них. Немногие представители нашей расы скучают по своим родителям. О твоих словах сразу сообщили, и это записали в твоё личное дело как «задатки чело-

века». Ужасное клеймо.

Да, это было именно «клеймо». Задатки человека – как диагноз, который невозможно вылечить.

Мне было неприятно снова занимать свои мыслительные процессы «ошибками прошлого», как сказали бы люди. Задатки человека проявляются в десяти процентах всех представителей нашей расы, и это настолько унижительно, что обычно остаётся за несчастными на всю жизнь.

Я один из таких несчастных. Я всегда считал, что это глупо, ставить мне это клеймо, когда я пребывал в состоянии, какое люди бы назвали «детство». Состояние, в котором ты не всегда осознаёшь, что делаешь.

Но мне поставили это клеймо, а вместе с тем и приговор бесконечных насмешек, к которым я давно привык. Впрочем, на станции редко кто насмеялся мне прямо в лицо, и меня удивляло это до того момента, пока я не узнал, что они изучают людей, и пока я сам не начал это делать.

В любом случае, я сосредоточился на другом. Оставшийся день я делал записи об объектах, но ничего путного оба не делали: лежали, ели и спали.

Ночью объект Роберт проснулся и разговаривал по телефону с психологом, но я решил не слушать их разговор, дав это задание НиАР. Позже оказалось, что объект рассказывал о знакомстве со мной.

Что касалось объекта Дженни, я чувствовал безнадеж-

ный тупик. Не то, чтобы я мог чувствовать «надежду», это чувство было противоположно тем логичным схемам нашей жизни. К чему надежда, когда точно знаешь исход событий? К чему она, если всё просчитал?

Тупик в деле объекта Дженни был не совсем «безнадежный», но, просчитав все возможные варианты исхода событий, я понял, что узнать причину её становления интровертом займёт очень много времени. Настолько много, что невольно задаёшься вопросом: стоит ли это того?

Однако этот вопрос я решил никому не задавать, оставить его в далёких дебрях своей мыслительной системы и думать, как продвинуться в деле.

В итоге, ещё один день происходило одно и то же: объект Дженни пошла на работу, закончила раньше необходимого и ушла домой, где снова лежала на кровати и ела макароны.

Объект Роберт ходил в библиотеку, постоянно заглядывал в телефон, ожидая звонка (как я мог предположить, от меня), и иногда разговаривал с психологом. Он читал книги вроде «Как найти смысл жизни?» или «Что делать при депрессии?», но не дочитывал ни одну из них, видимо, понимая, насколько это бесполезно, и закрывая книгу уже на второй странице.

Мы с НиАР редко пересекались, и она снова начала меня избегать.

Пер-АПА

На следующий день Вин де Ойл сказал, что со мной хочет поговорить Пер-АПА.

– Я прохожу мимо её лаборатории, когда иду в свою, и она постоянно спрашивает про тебя.

Я кивнул ему на это и стал размышлять, стоит ли идти к ней или нет. Вин де Ойл не уходил.

– Что это значит? – спросил он наконец.

– Мои отношения с Пер-АПОЙ строго конфиденциальны, и для тебя не исключение.

Вин де Ойл пожал плечами, сел за стол и открыл блокнот по тому делу, который я видел пару дней назад.

– Всё про любовь? – поинтересовался я.

Тот спокойно кивнул, не желая продолжать тему. Я встал и вышел из нашей небольшой комнаты, направляясь к Пер-АПЕ.

По словам Вин де Ойла казалось, что она вглядывается в каждого прохожего, разыскивая меня, но когда я подошёл к панели её двери, окна оставались тёмными, и ничего не происходило.

Я немного боялся касаться панели, помня, как Пер-АПА ударила меня током в прошлый раз, но, вздохнув, всё же кликнул по ней. Послышались ругательства, напомнившие мне объекта Дженни, когда я звонил в её дверь.

Одна странная мысль внезапно промелькнула у меня в системе: есть ли у Пер-АПЫ в личном деле «задатки человека»? Эта мысль была необоснованной, внезапной и нелогичной, возникшей буквально из ниоткуда, так что я её отбросил.

В это же время, видимо, Пер-АПА просканировала мое касание и узнала меня, потому что дверь открылась (она могла использовать сканер, чтобы узнавать входящих, а могла использовать камеру в панели, как, например, в случаях с Вин де Ойлом). Я зашёл внутрь, удивляясь отсутствию различных колких фраз со стороны Пер-АПЫ, которые всегда встречали меня при входе в её лабораторию.

– Мне сообщили о вашем желании видеть меня, – сказал я.

Пер-АПА вздохнула, и её вздох пронёсся по проводам, пока она переходила в робота.

– Да. Я хотеть.

– Вы очень заняты сейчас? – уточнил я.

– Ну я же открыть тебе дверь, значит нет! – рявкнула она. – Не задавать глупых вопросов. Просто я сегодня очень устать. Глупый день!

Я молчал. Она снова вздохнула.

– Я давно не проводить курсы для провокаторов, и Вышка сказать мне сегодня об этом с его интонацией «я-говорить-вежливо-но-я-устать-лизать-вам-задницу-так-что-начинать-делать-то-что-я-прошу».

Я продолжал молчать. Ругательства зачастую не используются у нашей расы, и зная об этом Пер-АПА, очевидно, желала поиздеваться надо мной и посмотреть на мою реакцию. Моя реакция её не удовлетворила.

– В общем, завтра я проводить эти курсы, но ваши глупые провокаторы совершенно ничего не понимают, и мне это надоедает.

Она ждала, что я что-то скажу, но я не говорил. В итоге я кивнул, и она продолжала:

– Ну ладно. Это пустяки. Я хотел спросить у тебя про Дженни. Я вижу, что ты почти не продвигаться в деле.

– Да. Кажется, это так называемый «тупик».

Кстати говоря, такие случаи на нашей станции именно так и назывались. «Человеческий тупик». Как правило, их всё же решали. Действительно нерешённые задачи за всю работу нашей станции (а это, по человеческим меркам, более тридцати лет) составляют всего лишь около десяти случаев. Их описания хранятся в архивах, как напоминание о том, что наша работа не закончена, и нам нужно продолжать идти к своей цели.

Я тут же понял, что объект Дженни по сравнению с теми случаями казался слишком простым, так что поспешно добавил:

– Проблема в том, что на это уйдёт много времени. Может, это и не «тупик», но...

– Я понять, – перебила та меня грубо. – Я иметь одно

предложение к тебе. Ты ведь хочешь решить это дело?

– Разумеется.

– Я помогать.

Я нахмурился.

– Что вы имеете в виду?

– Я хочу помогать. Использовать меня как Номер Два.

– Мне не нужна ваша помощь, – быстро проговорил я. –

Я и сам справлюсь. Вышка дал мне это задание.

– Бла-бла-бла. Неужто ты думать, это так важно для него?

Дело с три звезды не убрать твои «задатки человека».

Я недовольно поджал губы. Меня удивило, насколько очередное упоминание о «задатках человека» меня взбесило.

– Дело не в этом, – сдержанно ответил я и попытался придумать нечто остроумное, что заткнуло бы эту особу, но моя система не смогла ничего предложить, так что я просто повторил: – Дело не в этом. Три звезды из пяти – это честь для меня. И я справлюсь с этим заданием сам.

– Послушать меня, идиот. Профессиональный провокатор есть я, а ты – всего лишь наблюдатель, который пытаться стать Номером Два. Без меня ты не решить это дело. Я ничего не просить взамен.

Я нахмурился, отвернулся и пошёл к дверной панели.

– Куда ты собрался?! – вскрикнула Пер-АПА, быстро переходя в панель.

– Я отказываюсь от вашего предложения и хочу уйти.

Я поспешно приложил палец к панели, но меня ударило

ТОКОМ.

– Прекратите, Пер-АПА! – гневно воскликнул я. – Дайте мне уйти, это глупо и бессмысленно. Я отказываюсь.

– Чёртов идиот! Делай, как ты хочешь... Мне плевать! Но я остаюсь такой же солидарной и быть готова предложить тебе свою помощь в любой момент. Приходить, когда согласиться. Идиот. Уходить. Ты меня раздражать. Надо принимать моя помощь!

Она открыла дверную панель, и я быстро вышел, стараясь больше не слушать её громких и заставляющих вздрагивать слов. Когда я вернулся в комнату, Вин де Ойла не было, так что я лёг на кровать и занялся самоанализом, не зная лучшего способа самоунижения.

Объект Роберт

Как только я вышел от Пер-АПЫ, мне пришло уведомление на часах. Это оказалось сообщением от НиАР. Она просила меня зайти в лабораторию объекта 213Г-Ш-Ш, и я решил не медлить с этим, чтобы ещё больше не потерять расположение своего Номера Два.

Однако, когда я пришёл в лабораторию, её уже не было. Вероятно, она намеренно ушла, в очередной раз показав своё негодование по поводу меня и моей методики. На столе она оставила какие-то бумаги, и я, вздохнув, взял их в руки.

Это оказался «гет-тест», как мы его называем обычно, или тест на сексуальную ориентацию. Мы нечасто его проводим, потому что это не имеет особого значения обычно – независимо от ориентации, исследования о любви заканчиваются примерно одним и тем же. Какая разница кого любит объект, если любви всё равно не существует – лишь это неудачное соединение химических элементов, клеток, гормонов, которые отвечают за предсказуемую реакцию организма, которую мы так легко изучили.

Тем не менее, НиАР почему-то решила провести этот тест. Проводится он несложно, обычно с помощью компьютерных работников, которые ищут проявления гомосексуализма на протяжении всей жизни объекта – о да, мы можем это делать.

Это создаёт парадокс: по сути, мы не можем узнать историю жизни объекта, потому что в ней участвуют другие объекты, которые постоянно мешаются на компьютерной схеме жизнедеятельности, но мы можем узнать внутреннее развитие – люди бы сказали «духовный мир», но, согласитесь, это звучит неуместно. Если вы человек, представить духовный мир в схемах и цифрах вам будет, вероятно, сложно.

В любом случае, это не значит, что мы можем читать мысли или нечто подобное. В целом, это очень сложный процесс, занимающий слишком много времени, поэтому анализ «духовного» мира разделяют на группы.

Одна из таких групп – половая ориентация. И результат объекта Роберта был «бисексуал».

Я не удивлялся, потому что не понимал, что в этом такого и чем это может помочь в деле. Для чего, собственно, провела этот тест НиАР?

Я написал ей сообщение с просьбой прийти в лабораторию, и через пару минут она пришла.

– Что из этого следует? – сразу спросил я, указывая на результаты гет-теста.

– Дело получает две звезды, – ответила она спокойно и пренебрежительно. – Всё не так очевидно, как мы думали.

Наши дела имеют пять уровней сложности: нулевой, одна звезда, две звезды, три звезды и так далее. Нулевой – самый простой, обычно не занимает более одного дня. Такие исследования в основном проводят в школе станции для но-

воприбывших, собирающихся работать в нашей сфере.

Одна звезда – самый распространённый уровень, которым занимаются такие, как я (не самые профессиональные учёные). Такие исследования занимают около пяти дней, на них строится основа человеческой теории (например, такие эмоции, как радость, гнев или обида часто встречаются в исследованиях с одной звездой). Фундамент строится на мелочах, а потом идут задания с двумя звёздами.

Две звезды – уровень немного сложнее. Такие исследования обычно исходят от исследований с одной звездой, но имеют различные нюансы, мешающие узнать истину.

Остальное я расскажу вам позже, а пока вернёмся к объекту Роберту и тому, что его дело внезапно обрело две звезды.

Наша теория по поводу объекта 213Г-Ш-Ш была достаточно простой и предсказуемой (как и все теории исследований с одной звездой): мы думали, депрессия возникла из-за потери близкого человека, в данном случае «Эммы» – женщины.

– Значит, дело не только в женщине, раз он бисексуален, – я осознал, что хотела сказать НиАР, но не сказала из-за своей гордости и высокомерности.

– Поздравляю, вы как всегда блещете умом, Номер Один, – отозвалась она и вздёрнула синий острый нос.

И нет, это был не сарказм. Мы не используем сарказм. Со всем.

Она собралась уходить, но я попросил её подождать, взял блокнот со стола и быстро пролистал. Затем тыкнул в имя «Оливер», которое как-то один единственный раз проскочило в диалоге объекта и психолога.

– Нужно узнать про этого представителя мужского пола побольше. Явно дело и в нём тоже.

– Безусловно, – отвечала та спокойно.

– Значит, нужно продумать контакт?

– Уверены, что для меня? – хмуро бросила она и вышла из лаборатории, добавив на пороге ещё: – Это же вы договорились с ним как-то встретиться, Номер... Один.

Когда она ушла, я глубоко вздохнул, положил блокнот и выбежал вслед за ней.

Вне лаборатории НиАР предпочитала совсем со мной не пересекаться, и всё же я её догнал.

– НиАР, послушай, я не хочу, чтобы наши отношения настолько испортились из-за моей выходки.

Она кинула на меня раздражённый взгляд, говоривший нечто вроде: «Я терплю наше общение в лаборатории, но вне её не собираюсь».

– Я прошу прощения, Сентябрь, но мне нужно идти. У меня есть исследования помимо объекта 213Г-Ш-Ш. И у меня есть другие Номера Один, которые меня ценят.

– Я ценю тебя!

– Обращайтесь ко мне на «вы»! – воскликнула она и ускорила шаг, желая отвязаться. – У меня есть сложное дело, и я

должна на нём сосредоточиться, чтобы не попасть в «тупик».

Опять странный вопрос промелькнул у меня в голове. Почему только у меня «задатки человека»?

Объект Дженни

Подумав, я вернулся к Пер-АПА и согласился на помощь. Не скажу, что именно заставило меня передумать, я и не особо анализировал всю эту ситуацию, но в итоге понял, что мои мечты о славе и похвалы со стороны Вышки глупы, а, значит, принять помощь не будет лишним.

Пер-АПА не удержалась от колких издевательств, которые я не буду описывать. Она перенесла себя на чип, который я должен был вставить в компьютер в своей лаборатории, и предварительно сказала нечто вроде: «И даже не думать меня уничтожать, я везде себя сохранить, идиот», хотя я даже не думал о том, чтобы уничтожать её.

Таким образом, после переноски её чипа она могла идти на контакт с объектом Дженни. Контакт, который мы запланировали, должен был состояться сегодня, хотя я совершенно не знал его подробностей. Пер-АПА сказала лишь: «Это сюрприз» и пообещала, что мне понравится, в чём я был не уверен.

В любом случае, мы договорились, что первый контакт она совершит в одиночку. Когда я подключил её чип, было девять часов вечера. Объект Дженни уже вернулась с работы (это была пятница) и лежала на кровати, занимаясь своим обыкновенным делом – ничем.

Стоило признать, мне было интересно, что задумала Пер-

АПА, и я даже хотел поскорее начать контакт, настраивая его параметры. Но внезапно Пер-АПА запретила мне доступ, и я понял, что она хочет всё настроить сама.

Через минуту в дверь объекта Дженни позвонили. Я вздрогнул, как и она. Быстро схватил блокнот в то время, как она медленно сползала с кровати. Протопала к двери. Заглянула в глазок. Я не видел, что там.

Объект Дженни озадаченно отстранился от двери. Почесала голову. Снова посмотрела в глазок.

Она не открывала около минуты. В звонок снова позвонили.

– Я знаю, что ты дома! – вдруг услышал я знакомый, но звучащий как-то иначе голос.

Объект Дженни снова озадаченно почесала голову.

– Бабушка?

– Да, это я, Дженни, милая! Давай открывай.

Внезапно я понял, чем отличался голос Пер-АПЫ сейчас от её обыкновенного – у неё пропал акцент.

Объект Дженни неуверенно открыл дверь, и я увидел женщину. Странно, но именно так я представлял Пер-АПУ в виде человека. Она была «пожилой», если переводить на человеческий язык, но выглядела свежей и «живой» (опять слова из человеческого лексикона). Не знаю, что ещё говорить для описания человеческой внешности, но у Пер-АПЫ были короткие светлые с проседью волосы, голубые глаза «с искоркой» и с морщинами, тонкие губы и достаточно обаятельная

улыбка.

По поводу того, что она представилась бабушкой объекта, я слышал впервые. Честное слово. Я бы вам рассказал.

– Дженни! – снова воскликнула Пер-АПА, заключая объект в объятия. Я содрогнулся от их соприкосновения.

– Что ты... что ты здесь делаешь? – пытаюсь освободиться, говорила Дженни.

– Я узнала о том, что ты здесь живёшь, и приехала. Чёрт возьми, мы с тобой так давно не виделись! Удивлена, что ты меня узнала.

– Честно? – подняла брови Дженни. – Ты просто единственная старуха из моих знакомых. И, вообще-то, я знаю тебя только по фотографиям.

Я думал, Пер-АПА растеряется – это был небольшой прокол, но она внезапно рассмеялась.

– Значит, у тебя очень мало знакомых. Ну, есть у тебя что поесть?

Она прошла вперёд, на кухню, и Дженни озадаченно пошла за ней.

Я удивлённо наблюдал за происходящим, даже забывая записывать всё в блокнот. Пер-АПА играла мастерски.

– Бабушка, почему сейчас?

– Какая разница? – проговорила Пер-АПА, усаживаясь за стол. – Это всё ерунда. Ну, приготовишь мне что-нибудь?

– А разве не бабушки обычно обкармливают внуков? – усмехнулась Дженни.

Я подметил, что она вела себя достаточно раскрепощено. Почему она так спокойно шла на контакт? Дело ли в том, что это была якобы её бабушка?

Но как Пер-АПА смогла всё это предусмотреть?

– Милая, – начала Пер-АПА с усмешкой, впиваясь глазами во «внучку», – просто я люблю тебя. Вот и приехала. И я очень голодна.

– Я думала, ты путешествуешь по миру, – вздохнула Дженни, наконец открывая холодильник и доставая какую-то еду.

– Путешествую, как видишь, – подмигнула та, вскакивая и помогая объекту. Они опять соприкоснулись, случайно дотронувшись руками, и я снова содрогнулся.

Вместе они приготовили блины. Те слегка подгорели, но это было совершенно неважно.

– Бабушка, ты ведь помнишь?

Дженни сидела за столом, уткнувшись взглядом в свою тарелку.

Я уверен, Пер-АПА не могла даже предположить, о чём говорит объект. Но она снова сыграла великолепно.

– Милая, конечно. Как я могу забыть?

Это прозвучало так уверенно. Я записал эту фразу.

– Тебя ведь даже не было на похоронах.

Тут я взял себя в руки, быстро начеркал «похороны» и знак вопроса.

– Я знаю, но я не могла прийти. Ты ведь знаешь.

Чёрт возьми. Она профессионал.

– Берлин был важнее его? – хмуро подняла голову Дженни.

Я записал «Берлин». И «он» под большим знаком вопроса.

– Мы это уже проходили, – помотала головой «Бабушка». Она доела блины из своей тарелки (человеческая еда ужасна, поэтому я удивился тому, как спокойно она с ней управлялась) и встала. – Я приду завтра. Я устала.

– Устала? – нахмурилась Дженни. – Ты что, шутишь?

– Я знала, что ты будешь на меня наезжать.

– Я тебя не узнаю. А, впрочем, я тебя никогда и не знала. – Объект перешёл в агрессивное состояние. Я записал это.

– Я вернусь завтра. Я знаю, что ты хочешь.

– Совершенно не хочу.

– До завтра.

Пер-АПА уже стояла в дверях.

– Я не впущу тебя, бабушка, – сказала Дженни хмуро.

– До завтра, – снова повторила та и ушла.

Контакт был завершён. И был завершён блестяще.

Я вытащил чип из компьютера, вышел из лаборатории и направился в лабораторию Пер-АПЫ, чтобы вернуть её в работа. Я ввёл пароль в панель, который мне сказала до этого Пер-АПА, вошёл в лабораторию и внёс чип в работа.

Пер-АПА быстро загрузилась.

– Ух! Отлично. Чудесно, – говорила она.

– Пер-АПА, – начал я, – я хочу сказать вам, что очень впечатлён вашим талантом провокатора, и хочу выразить своё уважение. Простите, если до этого...

– Ох, помолчать! Я хотеть думать, идиот. Уходить. Приходить завтра.

Я озадаченно замолчал. У нас совсем не принято перебивать.

– Я хотел обсудить...

– Завтра!

Я нахмурился, кивнул и ушёл. Я задумался о её акценте. Но после думал лишь о том, насколько продвинулось дело объекта 358А-Г-М и насколько легко Пер-АПА вела себя с людьми.

В оставшийся вечер я наблюдал за объектом Дженни. Она лежала на кровати и, кажется, не могла заснуть. В половину двенадцатого, когда я уже хотел уходить, она вдруг встала и начала одеваться.

Я вспомнил о парке, в которой она ходила раньше, и Дженни действительно отправилась туда. Мне пришло в голову совершить контакт, «случайно» встретить её в парке, но я не решился. После Пер-АПЫ мои контакты казались мне жалкими. Но ещё я вспоминал её бесстрашие при касаниях с людьми и понимал, что мне никогда такого не добиться. При мыслях о соприкосновении с людьми меня бросало в дрожь.

Объект Роберт этой ночью спал спокойно.

Утром я, проверив объекты и убедившись, что они спят (было около шести часов утра по человеческому времени), отправился к Пер-АПЕ. Но, к моему огромному удивлению, у неё был включён спящий режим.

Я нажал на дверную панель в первый раз, но спящий режим не прекратился. Я нажал на второй – никакого ответа. Третий – всё ещё спящий режим. Я не собирался нажимать в четвёртый, потому что это было бы иррационально и бессмысленно, но почему-то нажал, и внезапно меня ударило током.

– Ты что, не видеть, что я спать?! Сегодня есть суббота! Отстать! Уходить, идиот!

Я, озадаченный и растерянный, отошёл от двери и пошёл за априкаторами, не зная, куда податься.

Через два часа (я занимался бумажной работой) я опять зашёл к Пер-АПЕ. Спящий режим наконец пропал.

– Вы же робот, – сказал я бесцеремонно, заходя в лабораторию.

– Я уже чувствовать, что ты хочешь задать глупый вопрос. Это ожидаемо от наблюдателя, ведь он почти не имеет дело с компьютерами!

Тем не менее, на то, что меня интересовало, она так и не ответила, но я не стал спрашивать.

– Итак, ты хочешь что-то спросить про Дженни? – с усмешкой в голосе спросила Пер-АПА.

– Я уже говорил, что восхищён вашим контактом, – пришлось повторить мне.

– Ага, – довольно отозвалась она. – Продолжать.

– Да, я восхищён. Я хотел узнать ход ваших мыслей.

– Ход моих мыслей?

– Да. То, как вы продумали всё это.

Она громко вздохнула.

– Ну сколько можно? Ход мыслей, ход мыслей... Ты не понять то, как я это сделать, по ходу моих мыслей.

– Но как иначе можно понять?.. – озадаченно спросил я.

– Вам – возможно, никак, – хмуро ответила та. – Но во мне ещё остаться то... То, что мочь чувствовать.

– Чувствовать что? – Я не мог понять, к чему она ведёт.

– Ты не понять, Сентябрь. Приходить сегодня на курсы. Я показать тебе, что никто из вас не понять. – И она, видимо, поняв, что слишком давно не шутила, добавила: – Вы все есть яйцеголовые, но идиоты!

И рассмеялась. Я не понял шутку и ушёл.

Объект Роберт

Я сидел какое-то время в лаборатории объекта 213Г-Ш-Ш, наблюдая за тем, как он пытался съесть какой-то засохший сэндвич, который он приготовил пару дней назад. Он откусил пару кусочков, а затем отложил его, решив, что сэндвич так и останется несъеденным.

Прошло два дня с тех пор, как я шёл с ним на контакт. И после разговора с НиАР я, раннее даже не допускавший об этом мысли, начал раздумывать о новом контакте.

НиАР злилась на меня, так что я теряю? Я могу продвигнуться в деле, особенно теперь, когда оно обрело две звезды, и у меня есть зацепки.

Я схватил блокнот, продумывая новый контакт и представляя, как будет хвалить меня Вышка за то, что я решил это дело. Я уже придумал, что скажу в ответ на его похвалы и почести, но потом понял, что всё это глупости, что я думаю о иррациональных вещах и что мне нужно срочно убрать эти мысли из системы.

Всё случилось спонтанно. Я решил, что лучший способ решить этот контакт – это импровизировать, и так и вышло.

Я создал себе телефон, взял помятую салфетку с номером телефона Роберта из вещдоков (так у нас называются вещи, оставленные после контактов) и переместился к чёрному ходу дома объекта. Там никого не было.

Дрожащими пальцами я набрал его номер. Пошли гудки, они казались бесконечными.

– Я слушаю? – Голос объекта Роберта показался мне напряжённым.

– Привет. Это я. Тот парень, которого ты нашёл в кучке сломанных вещей, – как можно безразличнее говорил я.

– Джен?

Я тихо набрал воздуха, слишком затягивая паузу. Объект Роберт опередил меня:

– Я так долго ждал твоего звонка! Я знаю, что это ты.

Я снова молчал, удивляясь своей безынициативности – мне нужно сосредоточиться, стараться лучше!

– Да, – наконец выдавил я.

– Мы можем встретиться? Прямо сейчас? Неважно где. Пожалуйста, соглашайся!

Мы договорились встретиться в библиотеке – это была моя идея, вдохновлённая теми записями о контакте НиАР с объектом в том же месте. Я слышал, как объект Роберт запнулся прежде, чем согласиться, но всё же ответил положительно.

Через пару минут я видел через окно библиотеки, как он выходил из дома – библиотека находилась совсем близко.

Он выглядел нервно, точнее, более нервно, чем обычно. И снова я подавил желание записать об этом в блокнот.

Объект Роберт заметил меня сразу, как вошёл в здание. Он держал руки в карманах тёмной джинсовой куртки,

но вся его поза, каждое его движение излучали напряжение.

– Привет, – выдохнул он едва слышно, подойдя к столу, за которым я сидел.

Он чересчур громко отодвинул стул, и на него шикнула библиотекарьша. Он пробубнил что-то и сел, кидая на меня взгляды исподлобья.

Мне казалось, я нервничаю даже больше него, если это было возможно. На мне лежала огромная ответственность за этот контакт, и я просто не мог провалить его.

– Странное местечко ты выбрал, – тихо произнёс объект Роберт и криво невесело усмехнулся.

Я заметил, что его левый глаз едва заметно дёрнулся.

– Здесь практически никого нет в это время, – ответил я. – Можно спокойно разговаривать.

– Ты забываешь про эту чёртову вредину-библиотекаршу, – он кинул на неё презрительный взгляд. – Не могу поверить, что она здесь до сих пор работает.

– Ты здесь часть бывал? – схватился я за первую зацепку.

Объект перевёл на меня рассеянный взгляд и также рассеянно кивнул:

– Да, частенько. Со своей... девушкой.

Он снова поднял на меня глаза и неожиданно резко перегнулся через стол, оказываясь ко мне ближе, чем могла выдержать моя система – кажется, даже моё искусственное человеческое сердцебиение подверглось глюкам от страха.

Но я выдержал те пары секунд, пока он нервно бормотал

прямо мне в лицо:

– Джен, я так рад, что мы наконец встретились. Ты не представляешь, через что мне приходится проходить сейчас, просто не представляешь...

Затем он наконец откинулся обратно на спинку стула и лихорадочно потёр переносицу, тихо продолжая:

– Наверное, я кажусь безумным. Может, я действительно сошёл с ума. Но, Господи, как это возможно... нет-нет, это невозможно, что мы с тобой встретились просто так.

Я внимательно наблюдал за ним. Пока он не смотрел на меня, у меня была отличная возможность перевести дух, как сказали бы люди, и обдумать ситуацию.

Тут он вскинул на меня свои тёмные карие глаза и неожиданно попросил:

– Прошу, расскажи мне свою историю.

– Историю? – переспросил я, изображая изумление.

– Да-да, ты прав, – нервно пробормотал тот, – это нетактично... если хочешь... я первый расскажу.

Ему тяжело далось сказать это, а мне тяжело далось скрыть радость на своём лице.

– Если ты считаешь, что готов, – ответил я так естественно, что мысленно заплодировал себе.

Объект Роберт сделал глубокий вдох и снова слегка наклонился вперёд, облакачиваясь на стол:

– Единственный, кому я об этом рассказывал, – это мой психолог. Прошу, Джен, никому не говори об этом.

– Разумеется.

– Я... я действительно виноват в смерти своей девушки и друга. Я изменял ей... с ним.

Он посмотрел на меня, ожидая моей реакции. Я же ожидал продолжения, надеясь, что НиАР следит за мной по ту сторону экрана и записывает всё в блокнот.

– Я знаю, что это плохо, – тут же продолжил объект. – Но тогда я не задумывался об этом, понимаешь? В моей жизни всё было прекрасно: отличная работа, любимая девушка, так сказать, семья. Не знаю, любил ли я Оливера... так звали моего друга. Но я не мог устоять, понимаешь? Наверное, я был слишком разбалованным, наверное, я просто не ценил то, что у меня было.

– Я понимаю, – решил вставить своё слово я.

Эта фраза, прозвучавшая из моих уст, могла означать только одно: то, что учёные моей расы уже изучили это явление. Но, конечно, как и любой другой представитель человеческой расы, объект Робер понял её по-своему.

– Да, – одобрительно кивнул он. – Спасибо, Джен. Я... бы хотел вернуться в то время и всё изменить, честное слово. Измены всегда раскрываются, рано или поздно. Эмма... моя девушка... она узнала тоже. Это было ужасно, Джен, действительно ужасно. И они... они оба разозлились на меня. Только поэтому они оказались в машине вдвоём – они оба узнали, что я их предал, и это их объединило.

Я пытался вложить в свой взгляд сочувствие, сострадание.

Но у меня ничего не выходило, и я был ужасно рад, что объект Роберт не смотрит на меня, ведь если бы он смотрел, то увидел бы скрытую радость. Радость от того, что я решил это дело. И объект Роберт сам говорил мне решение.

– Я правда думал, что люблю их обоих, Джен, это возможно? Как ты думаешь? А, впрочем, не отвечай. Я ненавижу себя. Они умерли уже около года назад, а я всё ещё скучаю по ним... Точнее, виню себя... в их смерти.

Если я раньше не говорил, то вопрос дела объекта 213Г-Ш-Ш был простым: почему после продолжительного времени депрессия у объекта не прекратилась? И если дело было в любовном партнере, то нужно было найти доказательства того, что это не «настоящая» любовь.

После того, как пришли результаты гет-теста задача усложнилась, ведь действительно была замешана любовь, да ещё и с двумя людьми.

Но как я уже говорил, объяснить это явление легко. К тому же, это усиливается чувством вины – даже если любовь уже прошла, объект всё ещё будет ощущать вину.

Объект Роберт испуганно наблюдал за мной.

– Не могу представить, о чём ты думаешь...

Я взглянул на него. Мне стало совершенно неинтересно – даже мой страх перед людьми, перед настоящим человеком, сидящим передо мной, покинул мою систему.

– Мне нужно идти, – сказал я, решив не церемониться.

Заканчивать контакт нужно, и как можно скорее.

Я встал со стула под ошарашенным взглядом объекта.

– Нет! – воскликнул он, вставая за мной. – Как так?

На него тут же отозвалась библиотечка, но он её проигнорировал.

Я направлялся к выходу. Объект Роберт по пятам следовал за мной, бросая чересчур громкие слова, которые я старался не слушать.

К моему ужасу, он вдруг схватил меня за руку – он настолько крепко сжал кисть моей человеческой руки, что я даже ахнул от боли и страха, снова мешающего моей системе.

– Что здесь происходит?! – возникла библиотечка, высокая худощавая женщина с тугим хвостом на голове.

Объект Роберт, к сожалению, продолжал её игнорировать, крепко стискивая мою руку и шепча:

– Прошу, Джен, ты моя последняя надежда. Неужели ты думаешь, что у меня нет шанса на искупление?

Я ничего не отвечал, по крайней мере потому, что моя система опять давала сбой из-за сильных тактильных ощущений и моего глупого испуга.

Наконец, библиотечка вызвала кого-то, кто тут же отцепил объекта Роберта от меня, и я убежал.

Забежав за угол какого-то переулка, я наконец смог вернуться.

Мне пришлось какое-то время восстанавливать свою си-

стему и исправлять сбои. Только после этого я смог перезаписать весь контакт в блокнот (НиАР в лаборатории не было), подчеркнуть выдвинутое мной решение и отправиться к Вышке с ним.

Я не понимал ход своих мыслительных процессов. Они были сосредоточены на Вышке, на решении дела, но почему-то избегали всяческое упоминание самого контакта и объекта Роберта.

Я не стал долго об этом раздумывать, потому что моя мыслительная система и так была перегружена.

Вышка встретил меня как всегда равнодушно, лишь слабо кивнув.

– Исследование об объекте 213Г-Ш-Ш завершено, – сообщил я, кладя блокнот на стол Вышки.

Он вскинул голову, оглядел надписи.

– Измены, чувство вины и любовь? – прочитал он вслух.

Странно, но мою систему совершенно не волновало, какой будет вердикт Вышки. Каждый раз, принося ему решение, я с трепетом, не совсем свойственной нашей расе, ожидал ответа.

Но сейчас – ничего. Может, это и хорошо. Может, я наконец избавляюсь от своих «задатков человека»?

– Неплохо, Сентябрь, – вдруг сказал Вышка.

Однако даже то, что он назвал меня по имени – похвалы лучше быть не может! – не произвело на меня никакого впечатления.

– Знаю, твоя коллега Номер Два была возмущена по поводу твоих действий, – продолжал он, вбивая результаты моего исследования в компьютер, – но я считаю, это признак твоей готовности рисковать ради своей работы. Поэтому, – он дописал, аккуратно сложил мой блокнот и отдал его мне, – я почти готов повесить тебя.

Я думал, я буду счастлив, когда услышу это. Нет, моя система явно пострадала, может, сломалась? Я должен пройти диагностику, чтобы проверить.

– Если хочешь, я повышу тебя прямо сейчас, – сказал Вышка, внимательно наблюдая за мной жёлтыми глазами без зрачков. – Если продолжить заниматься объектом 358А-Г-М.

– Нет, – вдруг ответил я.

Вышка вопросительно молчал.

– Уточни, – попросил он.

– Я должен закончить исследование об объекте Дженни.

И только затем вы можете меня повесить.

По его непроницаемому синему лицу, сливающимся с глазами и ртом, как и у всех представителей нашей расы, было непонятно, как он отреагировал на то, что я назвал объект по имени.

– Хорошо, – лишь сказал он.

Я кивнул и вышел.

Пер-АПА

Я знал, что у Пер-АПЫ скоро начнётся курс для провокаторов, но я не мог пойти на него – мне срочно нужно было пройти диагностику. Я даже проигнорировал активность объекта Дженни – в последние часы уведомления приходили на удивление часто.

Обычно диагностика занимает час, но я решил тщательнее проверить каждый процесс своей системы, чтобы точно быть уверенным в её целостности.

По истечению двух с половиной часов диагностика была закончена. Никого в лаборатории не было – я специально выбрал пустую, чтобы никто не смог застать меня за этим занятием. Странно, но мне не хотелось объяснять, зачем я это делаю.

Результат меня расстроил. Только потому, что всё было в норме и не было никаких ответов на мои вопросы.

Почему моя система начинает так часто давать сбои? Что со мной, если диагностика не показала отрицательных результатов?

Было час ночи по человеческим меркам, так что уже никакой активности на мои часы не приходило. Вероятно, Вышка снял с меня объект Роберт, поэтому в целом о нём мне больше ничего приходить не будет.

Я задумался о том, что у меня вызывает эта мысль – то, что

я закончил дело, которое растянулось на неделю. Обычно я решал дела за три-четыре человеческих дня.

И внезапно мне показалось, что я разочарован.

Наверное, разочарование – это одно из человеческих явлений, которые часто встречаются и у нас. Особенно, у меня.

Я вернулся домой – странно называть это домом, потому что это всего лишь промежуточная станция, место, где ты можешь поспать и, возможно, подкрепиться априкатором.

В комнате находился Вин де Ойл. Я рассчитывал на это, потому что знал, что он был на курсе Пер-АПЫ.

Он как раз открывал априкатор, когда я спросил:

– Это было полезно?

Он кинул на меня угрюмый взгляд, отложил априкатор.

– Если ты про курсы Пер-АПЫ для провокаторов, то ответ: абсолютно нет! Она лишь зря потратила моё время, рассказывая ерунду. Уверен, остальные считают также.

– Что именно она говорила?

– Абсолютную, абсолютную ерунду! Она поставила перед нами игрушечную машинку, можешь себе представить?

– Детскую? – удивился я. – Человеческую?

– Да! Маленькую, детскую, человеческую, игрушечную машинку.

– Но зачем?

– Она что-то говорила про то, что без истории эта машинка – совершенно бесполезный, бездушный предмет. Как будто история сделает её «одушевлённой».

Я хотел расспросить его ещё про курсы, но он лишь отмахнулся, сосредоточившись на априкаторе. Я не стал досаждать больше.

Поспав два часа, я решил сходить к Пер-АПЕ. На станции было тихо, большинство лабораторий не работало в это время суток, потому что работы и не было – люди, как правило, спят в четыре часа ночи.

Окна лаборатории Пер-АПЫ были тёмными, но никакого сонного режима, поэтому я решился дотронуться до панели.

– Здравствуйте, – сказал я, наклонившись. – Я хотел поговорить с вами о машинке с историей. Мне сообщили о том, что вы рассказывали на занятии.

Панель засветилась, и дверь открылась. Я зашёл внутрь. Огонёк робота был зелёным, в углу всё ещё лежала красная игрушечная машинка. Она так выделялась на фоне современной техники и проводов.

– Говорить, что хотите, – прозвучал голос Пер-АПЫ из робота.

– Я анализировал переданную информацию долгое время, – сообщил я важно. – Я хотел бы уточнить у вас, что это значит.

– Уточнить?! – вскричала та. – Я не собираюсь делать это только потому, что ты не понять сам. Ты думать! Продолжать думать!

Я молчал, ожидая продолжения.

– Ты не собираешься уходить?! – раздражённо воскликну-

ла она.

Внезапно мне захотелось сказать кое-что иррациональное.

– Я считаю, вы были правы.

Она ошарашенно молчала, не ожидая такого от меня, и я продолжал:

– Вряд ли кто-то на курсах понял вас. Никто здесь не думает так, как вы, Пер-АПА. Но вы профессионал, я убедился в этом. Я хочу узнать больше о вашей методике.

Послышался тяжёлый вздох – вероятно, она всё же была расстроена тем, что её опасения по поводу существ нашей расы оказались верными и никто не понял её посылов.

– Я сказать тебе то, что я говорить им, – начала Пер-АПА. – Ты взглянуть на эту машинку. Что ты видеть?

– Это обыкновенная человеческая игрушка.

– Да! А что, если я сказать тебе, что у неё есть тайна? Как ты её узнать?

Я с сомнением взглянул на робота, но решил ничего не говорить и снова сосредоточился на машинке, искренне желая понять.

– Ну, может, я попробую её разобрать, – сказал я.

Снова послышался недовольный вздох.

– Это то, что ты привыкнуть делать каждый раз с людьми! Разбирать, копать, изучать...

– Но это научные способы, и они работают. У нас есть все технологические возможности, чтобы узнать то, что нам

нужно.

– Ты же сам понимать, что этого недостаточно. Подумать о Дженни и о моём с ней контакте, а затем скажи мне, что ты делать с машинкой, чтобы узнать её тайна.

Огонёк робота стал красным, и Пер-АПА перешла по проводам в дверную панель.

– Теперь уходить. Я ждать твоего ответа.

Объект Дженни

Я знал, что объект Дженни иногда выходит в парк либо поздно ночью, либо ранним утром, и сейчас как раз был подходящий момент для второго варианта. Я уже направлялся в лабораторию, когда часы завибрировали, сообщая об её активности, и довольно кивнул.

Наблюдая за тем, как она надевает куртку, я думал о словах Пер-АПЫ. Честно говоря, ничего полезного мне в голову не приходило, а то, что приходило, было заведомо неправильным, потому что я знал, что посыл Пер-АПЫ вряд ли станет мне ясным так легко.

Но упоминание о её контакте с объектом Дженни зародило во мне мысли о моём собственном контакте. Я твёрдо намеревался сдвинуться с мёртвой точки, поэтому встал и направился к аппарату переключения.

Ночной парк оказался довольно прохладным местом, особенно для моей чувствительной кожи. Я слегка дрожал, когда осторожно следовал за объектом Дженни, медленно идущим по аллее.

Я сделал глубокий вдох. Обогнул крюк и внезапно оказался перед ней. Она вздрогнула и остановилась, сверкая ярко-голубыми глазами, но промолчала.

Импровизация подводила. Прошла минута ужасного неловкого молчания.

– Привет! – наконец, произнёс я с чересчур большим энтузиазмом.

– А я-то думаю, где мой странный сосед-гей, – скрестила она руки на груди, глядя на меня исподлобья.

Неужели это насмешка в её голосе? Да, точно. Вероятно, это хороший знак.

– Я уж думала, ты решил избавить меня от этих преследований, мистер Маньяк, – наконец, она усмехнулась и опустила руки. – Но тебе повезло.

– Правда? – решил вставить я. – Почему?

– Потому что у меня сегодня траур.

Я нахмурился – в её словах явно прослеживался парадокс. Затем она усмехнулась, наблюдая за мной, и я понял, что это была шутка. Выдавил улыбку.

– Ты забавная, – так, вроде, они иногда говорят.

Она пожала плечами и двинулась вперёд, жестом показывая мне идти за ней. Я радостно послушался – надо же, да это же явный прогресс!

– Но, вообще-то, я серьёзно, – её голос и правда звучал непривычно грустно, – у меня сегодня траур.

– Кто умер? – спросил я, боясь, что это прозвучало равнодушно.

Это действительно прозвучало странновато, но обычно грустные люди не замечают такие незначительные вещи. Мне действительно повезло – объект был очень уязвим сегодня.

– Мой бывший босс, – сказала она, подняв на меня яркие глаза. – Он покончил с собой.

Я лишь кивнул, отворачиваясь.

– Это грустно. Почему он это сделал?

Мы медленно шли по тропинке. Я удивлялся тому, насколько комфортным стало наше общение. Вероятно, дело в полумраке – в темноте активно работают некоторые гормоны как у людей, так и у нашей расы.

– Год назад у него умерла девушка и друг, и он винил себя в их смерти.

Я даже замер на мгновение, и она это заметила, но ничего не сказала. Я поспешно двинулся дальше.

– И как его звали? – спросил я, даже не продумывая диалог.

– Роберт.

Оставшуюся прогулку мы шли в молчании. Я не мог ничего сказать, а она и не хотела ничего говорить.

Мы как-то вышли к её дому. Мои мыслительные процессы явно были не в порядке, и я ни на чём не мог сосредоточиться.

Она посмотрела на меня и молча ушла. Я постоял ещё немного, даже не чувствуя, как холод нарушает некоторые процессы системы, а затем вернулся.

НиАР

Я ждал НиАР возле лаборатории по её делу, которому она стала посвящать всё своё время после того, как исследование об объекте Роберте завершилось.

Она вышла спустя тридцать минут (переведено для человеческих писателей) и, увидев меня, тут же недовольно отвернулась.

– Здравствуйте, – сухо бросила она и хотела уйти.

– НиАР, подожди, – попросил я, стараясь вкладывать в произнесение её имени как можно больше уважения.

– Я не собираюсь разговаривать с вами. Теперь вас повысили, в чём вы должны, по большей части, быть благодарны мне, и мы не работаем вместе.

– Меня ещё не повысили.

Она остановилась, взглянув на меня через плечо.

– Да, – продолжил я, – я отказался.

Впервые в жизни я видел её удивлённой – наверное, потому, что оба мы начали действовать иррационально.

– Не понимаю, – сказала она в подтверждение моих мыслей.

– Я отказался, потому что хочу закончить дело объекта Дженни, – её пронзительный взгляд почему-то заставил меня поправить: – объекта 358А-Г-М.

– И вы хотите взять меня как Номер Два? – прищурилась

она синие глаза.

– Нет.

– Тогда что ты от меня хочешь, Сентябрь? – она неожиданно спокойно повернулась ко мне и скрестила руки на груди.

Я не предполагал такую резкую смену её настроения, поэтому какое-то время просто моргал, пытаясь спроектировать дальнейшую речь.

Неужели она действительно решила выразить мне уважение? Даже теперь, когда мы не работаем вместе.

– Ничего. На самом деле, НиАР, я ждал тебя по очень... иррациональному делу.

Она продолжала молча смотреть на меня.

– Я хотел попросить тебя сходить в лабораторию объекта Роберта.

– 213Г-Ш-Ш? – она опять выглядела удивлённой. – Но...

– Да, исследование завершено плюс объект покончил с собой.

– После вашего контакта? – Она не знала этой новости.

Трудно было сказать её реакцию по лицу. Но в норме наша система не должна реагировать никак.

Проблема в том, что моя система теперь реагирует «никак» не только на это, но и на абсолютно всё остальное.

– Да. Полагаю, так.

– Но зачем идти в лабораторию?

– Я хотел бы узнать, как это случилось. Ты могла бы со-

вершить контакт... переключение в его комнату.

Я заговорился – с каждым моим словом синее лицо НиАР начинало вытягиваться и становиться недовольным.

– Стоп! – произнесла она наконец. – Вышка дал тебе это исследование? Он попросил узнать, в чём причина суицида?

– Нет.

НиАР какое-то время моргала, видимо, тоже думая, как спроектировать разговор.

– Тебе стоит сходить на диагностику. Твоё поведение слишком иррационально.

– Я сходил.

– Тогда не представляю, что может происходить в твоей системе. Ты должен сосредоточиться на деле сейчас же, если не хочешь, чтобы на тебя обратили внимание. Ты знаешь, что они посмотрят в твоё дело и увидят задатки человека.

Я вздохнул и кивнул. Я ожидал, что она уйдёт, но она вдруг сказала:

– Работать с вами, Сентябрь, было приятно. Я хотела бы, чтобы у вас не было проблем.

– Вы лучший Номер Два, НиАР, – едва заметно улыбнулся я и кивнул.

Но, когда она ушла, моё желание узнать что-нибудь об объекте Роберт лишь усилилось.

Я решил сосредоточить мысли на задачке, которую поставила мне Пер-АПА, чтобы не загружать систему иррациональными мыслями.

Объект Дженни

Весь оставшийся день я провёл в размышлениях, прерываясь на объект Дженни, но она не делала ничего нового.

Я уже предполагал, что она снова пойдёт ночью, или хотя бы рано утром, в парк, поэтому решил подготовиться к контакту.

Я не стал заглядывать к Пер-АПЕ, неготовый ответить на её вопрос. Чтобы скоротать время, читал научную литературу представителей нашей расы.

Объект Дженни снова заказывал пиццу: такую же, грибную и сырную, но я уже давно не записывал такие мелочи. Мой блокнот был бы весь исписан, если бы я это делал, и это было бы абсолютно бесполезно.

Когда курьер пришёл, я отвлёкся от книги, чтобы послушать их разговор. Он попросил деньги, она заплатила и вдруг сказала:

– Вы не могли бы отнести эту пиццу в квартиру 96?

Я тут же вскочил на ноги. Я сам выдумал квартиру 96, поэтому следовало скорее перехватить пиццу, чтобы не случилось ненужных несостыковок.

Настроив переключение, я вихрем перенёсся в коридор и столкнулся с курьером за углом.

– Это в квартиру 96? – сбивчиво проговорил я, хватая пиццу из его рук.

Он растерянно заморгал, пока я уже уходил в другой конец коридора с пиццей в своих худощавых человеческих руках:

– Спасибо! Это мне.

Я обошёл коридор по кругу и вышел к квартире объекта Дженни, затем откашлялся, проверил все процессы своей системы и позвонил в дверной звонок.

Она не торопилась выходить. Наконец, дверь открылась, и я встретился с её голубыми глазами.

– С чего это вдруг? – выдавил я обаятельную улыбку и указал на пиццу в своих руках.

– Тебе и твоему дружку, – сказала она безмятежно.

– У меня нет дружка, – отозвался я, не растерявшись, но поняв её шутку.

– На самом деле, мне просто перехотелось кушать, – произнесла она также безмятежно.

Она отлично уворачивалась! Я был уверен, что всё это ложь, но не мог понять истинную причину её поведения.

– А, может, – решил рискнуть я, – ты просто хотела привлечь моё внимание?

Она хмыкнула, скрестила руки на груди и облокотилась на раму двери.

– Твоего внимания и так слишком много, – ответила она. – Ладно, если честно... я не умею выражать свои мысли словами. Просто я хотела поблагодарить тебя за вчерашнюю прогулку. Мне нужно было кому-то сказать о случившемся. И ты

отлично умеешь выслушивать, ты знаешь об этом?

Я не знал. Я вообще не ожидал такого – и это раздражало. Оказалось, что непродуманный контакт, моя ошибка привели к успеху.

Это совершенно не сходилось с нашими правилами.

– Спасибо, – наконец, выдавил я.

Она улыбнулась, рассматривая меня исподлобья.

– Так, может, всё-таки съедим её вместе? – предложил я, обдумав ситуацию.

Она лишь пожала плечами, неловко почесав ухо, и пропустила меня внутрь.

– У меня не убрано.

– Ничего страшного, – тут же отозвался я.

Мы, не разговаривая, разложили пиццу. Я посчитал, что лучше мне не говорить лишнего. Она спокойно переносила молчание в диалоге.

Когда мы доедали по второму куску – да, человеческая еда невообразимо ужасна! – я не выдержал и отложил её на тарелку, притворившись, что пью сок, который она мне налила.

К счастью, жидкость мы вообще не ощущаем. Наши тела состоят из воды всего на десять процентов.

– Могу я спросить кое-что? – спросил я вдруг.

Она подняла на меня глаза и кивнула, прожёвывая кусок.

– Твоя вчерашняя история... про Роберта. Она меня впечатлила.

Она вытерла рот рукой и вздохнула:

– Никогда не сталкивался со смертью?

Я решил отложить свой личный интерес и тут же отозвался:

– А ты?

Объект Дженни лишь слабо улыбнулся и покачал головой. Я не был уверен, что это было отрицание. Скорее, это, наоборот, было подтверждение – даже не представляю, почему я пришёл к такому выводу.

– Не сталкивался, – решил продолжить я.

– Тебе так интересно копаться в прошлом людей?

Она внимательно смотрела на меня, и меня вдруг передёрнуло.

– Как ты сказала? – невольно вырвалось у меня.

– Копаться в прошлом. Ты прямо выискиваешь что-то.

Я ошеломлённо молчал – мало того, что я снова действовал иррационально, против системы, так ещё и позволил объекту заподозрить меня.

Но её фраза о копании в прошлом внезапно пробудила во мне активный мыслительный процесс, который перекрыл все остальные.

– Если тебе так интересно, – продолжила она спокойно, – он не заслужил этого. Я часто видела его девушку, когда она приходила к нему на работу. Она была невероятно истерична и избалованна. Тратила все его деньги.

Объект Дженни прервался, будто смущаясь своей длин-

ной речи. Я поспешил оторваться от своих мыслительных процессов и сказать:

– Продолжай. Мне очень интересно.

Она пожала плечами, переходя к следующему куску пиццы.

– Да и его друг был не ангелом. Кажется, его звали Оливер. Я видела их в тот день, когда они попали в аварию. Я видела их вдвоём, девушку Роберта и Оливера, и они явно собирались сделать что-то плохое. Они были ужасно злы, мешали мне работать своими громкими обсуждениями.

– Он спал с ними обоими, – вдруг вставил я.

Она вскинула на меня глаза.

– Да. Как ты догадался?

– Это было нетрудно. – Я отвёл взгляд. – Раз он решил покончить с собой, вероятно, они оба были для него важны.

– Да... Ты прав, он изменял одной с другим. Но он был хорошим человеком, хорошим боссом. Уверена, ему даже в голову не приходило, что они могли сесть в ту машину, сговорившись о мести, о жестокой мести, судя по их разговорам. Роберт же думал, это чистая случайность, и винил себя в ней.

Я лишь кивнул, моя система отказывалась предлагать варианты ответа. Честно говоря, мне почему-то совершенно не хотелось продолжать.

– Спасибо, что рассказала мне, – наконец, кое-как пробормотал я.

– Что ты об этом думаешь? – В её голубых глазах впервые

за всё время появился интерес.

Кажется, от этого интереса они стали ещё ярче. Они напомнили мне глаза НиАР – это было глупо.

– Не знаю, – ответил я от безысходности. – Это грустно.

– Ты так не считаешь, – вдруг возразила она.

Моя система начала кидать тревожные сигналы.

– С-с чего ты взяла?

– Я вижу это по твоему лицу.

Какой ужас! Я должен сосредоточиться... Я могу испортить абсолютно всё.

– Наверное, я просто считаю, – постарался оправдаться я, – что ему не стоило это делать.

– В этом я с тобой согласна, – ответила она, и я тихо облегчённо выдохнул. – Психолог Роберта очень был к нему привязан. Думаю, они могли бы быть счастливы вместе.

Мне вдруг невыносимо захотелось закончить контакт. Глаза объекта Дженни так пытливно наблюдали за мной, что казалось, будто это она изучает меня, а не я – её.

Пер-АПА

Как только контакт закончился, я отправился к Пер-АПЕ. Контакт с объектом Дженни был продуктивным только в том плане, что я узнал нечто о моём прошлом исследовании и что это помогло мне понять замысел Пер-АПЫ и её машинки.

– Я был прав, – сказал я, подойдя к её панели.

Окна были тёмными, но я всё равно прикоснулся к экрану, почему-то уверенный в том, что током меня не ударит. Это оказалось верным.

Пер-АПА впустила меня, оставляя окна тёмными.

– Ты знать ответ на моя загадка? – спросила она.

– Я полагаю, что да, – ответил я, входя.

Она была в работе – огонёк горел зелёным.

– Как я уже сказал, я был прав. Мне нужно копать.

– Ты идиот! – тут же последовал гневный ответ. – Я же сказать, что это не есть правильный ответ!

– Копаться в прошлом, – продолжил я, и она тут же замолкла. – Если у этой машинки есть тайна, она появилась в прошлом. И я должен узнать прошлое, чтобы понять, как сформировалась эта тайна и как она действует на настоящее.

Какое-то время Пер-АПА не отвечала.

– Почти попасть, Сентябрь, – наконец, послышался её голос. – Ты почти понять, что важно. Ты лишь забыть о будущем.

– Будущее? – уточнил я.

– Да. Вы заканчивать дела и выбрасывать людей, как мусор, не задумываться о их будущем.

– Нас это совершенно не касается. Мы узнали причины, мы записали их и переходим к следующему исследованию, учитывая прошлый опыт.

– Будущее показывать ошибки прошлого. Или будущее показывать успех прошлого. Ваши исследования мочь ошибаться, но вы не знать этого, потому что не смотреть будущее.

Роберт

Я не знал, как интерпретировать слова Пер-АПЫ о будущем. Как я и предполагал, её вариант ответа ни разу не посетил мою систему – наши мыслительные процессы были слишком разные.

Мне приходило уведомление о деятельности Дженни – сначала я думал, что она пошла в парк, но, оказалось, она просто пошла в душ, а затем легла спать.

Какое-то время я читал всякие научные книги в её лаборатории, а затем вернулся домой, где Вин де Ойл всё ещё пытался разобраться с тем делом про любовь. Я хотел спросить у него, могло ли это его дело быть «тупиком», но почему-то не спросил.

До утра я читал научные книги, принял априкатор, а затем понял, что мои мыслительные процессы всё ещё занимает желание узнать что-либо об умершем объекте Роберт. Это как-то сошлось с тем, что Пер-АПА говорила о будущем, даже учитывая, что никакого будущего у объекта Роберт нет и быть не может.

Я отправился на нижние станции. Забавно, но Пер-АПА попала в точку, сказав, что мы выбрасываем людей, как мусор. У нас, можно сказать, даже есть «свалка» – специальное помещение, куда переносят все завершённые дела и больше никогда к ним не возвращаются.

Интересно, что сказал бы Вышка, узнав, что сейчас я вбиваю объект 213Г-Ш-Ш в компьютерном поиске по этой свалке?

Какие иррациональные мысли. Если ему будет нужно, он узнает, но меня это никак не касается – мне нужно продолжать делать свою работу, даже если он решит подчеркнуть жирной линией «задатки человека» в моём резюме.

Тем не менее, я всё ещё стоял на свалке, ожидающий подтверждение поиска. Это было огромное помещение с виртуальными комнатами, в которые можно было зайти через поиск.

И я нашёл ту комнату, которая мне была нужна. Я не был уверен, что она будет активна – обычно, комнаты умерших людей пустуют, – однако я не стал отступать.

Прошёл идентификацию. Меня распознали, как Номер Один, и я почему-то слабо улыбнулся, чувствуя, как непривычно растягиваются тугие мышцы губ.

Когда я зашёл в тёмную комнату, я внезапно понял – мне было жаль погибшего человека. Чувство сожаления, практически несвойственного нашей расе, вдруг оказалось в моей системе. Наверное, я просто не привык быть Номером Два – я не успел осознать, что мои действия могут настолько влиять на объекты.

Я потянулся к выключателю, чтобы хоть как-то осветлить лабораторию мёртвого объекта. Экран «телевизора» щёлкнул, послышались загрузочные звуки.

И тут мне пришлось удивлённо замереть, как сказали бы люди.

Вместо пустого, неактивного экрана меня встретил почти ожидаемый вид: объект Роберт сидел за столом в своей кухне, перебирая таблетки.

Сначала я подумал, что это прошлые записи, поэтому тут же подбежал к панелям, проверяя все параметры. Нет, ошибки быть не могло: всё это происходило в этот момент, и объект был жив.

Я не мог поверить своей собственной системе. Объект Дженни не мог говорить о другом человеке. Это был тот же Роберт, которого я изучал, как объект, и тот же Роберт, который когда-то был боссом объекта Дженни.

Конечно, сам факт их знакомства был редкостью, но такое случалось, и не раз, поэтому я не стал концентрироваться на этом. Но теперь я совершенно ничего не понимал.

С «телевизора» послышались звуки ругани: объект Роберт уронил одну таблетку под стол.

– Осторожнее, – сказал мужской голос из другой комнаты.

Я прищурился, уверенный, что голос принадлежит психологу.

– Ты даже не видишь меня, док, – улыбнулся Роберт, доставая таблетку.

– Я живу в твоей дыре уже пару дней, так что знаю, что к чему.

– Ну, когда-нибудь мы отсюда съедем.

– Мы бы уже съехали, если бы ты не потратил все деньги на психологическое лечение.

Сам психолог вышел из ванны лишь через минуту, он насмешливо ожидал ответа своего клиента.

– К счастью, – обернулся на него Роберт, – я больше не пользуюсь услугами психолога.

На секунду у меня снова сработал этот рефлекс: достать блокнот, включить ручку и написать большими буквами, что объект – счастлив.

Конец исследования

–

Дженни

Я стёр всю историю поиска – впрочем, помимо моего запроса, там было ещё всего парочку, – и отправился обратно. Больше всего меня поражало то, насколько этот случай показывал правдивость слов Пер-АПЫ.

Мы выбросили дело, думая, что решили его, а, оказалось, оно продолжается – и, вполне возможно, мы где-то допустили ошибки в своих расчётах, поторопились и оступились, радуясь быстрым прорывам.

Я был уверен, что чувство вины объекта Роберта будет мучить его и дальше. Конечно, может, оно и мучает, но совершенно не так, как я предполагал.

Исходя из увиденного и услышанного от объекта Дженни, я мог бы изменить некоторые пункты своего доклада Вышке, хотя бы в том месте, где фигурировала любовь. Вероятно,

его прошлые отношения были одними из тех связей, которые не задерживаются надолго, но изрядно портят людям жизнь.

Если бы я знал, что объект Роберт мог так быстро открыть своё сердце новой любви, я бы зачеркнул всё, что я писал тогда. Мне следовало узнавать больше об отношениях Роберта с той девушкой, и, может, хотя бы это дало бы мне понять, что дело не в любви, а только, исключительно в чувстве вины – я уверен, что именно она вызывала депрессию.

Возможно, только теперь мне следовало бы написать в блокнот о любви. Только теперь, когда она каким-то образом – почему-то мне совершенно не хотелось объяснять это по-научному – помогла ему избавиться от депрессии.

Обо всём этом я думал, когда шёл к Пер-АПЕ. Я хотел спросить её, как она пришла к такому выводу, как она дошла до того, чтобы думать о будущем тех людей, которых мы выбрасываем.

Однако её панель совершенно неожиданно горела красным – никогда ранее такого не было.

Я прикоснулся к ней, и тут же началась идентификация. Панель вскоре загорелась зелёным светом, и я различил появившийся текст:

«Сентябрь, контакт с Дженни».

Объект Дженни была в парке. Рядом гуляла с собакой какая-то женщина в капюшоне, и они перекидывались словами – непривычно было видеть объект Дженни, спокойно

разговаривающим с кем-то незнакомым. Впрочем, в целом непривычно было видеть её с кем-то разговаривающей.

Я переключился в тёмных закоулках парка – тяжело было совершать переключение в общественных местах, нужно было постоянно ждать, когда все люди разойдутся. Затем мне пришлось пройти несколько метров к скамейке, где сидел объект Дженни.

Наша раса не особо приспособлена к физическим нагрузкам, поэтому даже такое небольшое расстояние утомило.

Я сел рядом, даже не в силах выдавить приветственную улыбку. Однако она улыбалась, так непривычно и искренне, что моя система заставила меня заподозрить что-то неладное.

– А я ведь так и не знаю твоего имени, – сказала она вместо приветствия.

– Сентябрь, – отозвался я, даже не обдумывая ответ.

Но даже после того, как я озвучил своё настоящее имя, я не испытал ничего – по правилам, мне нельзя было называть его.

Объект Дженни ничего не ответил, лишь кивнув, и мне казалось, что глаза её стали ещё более голубыми, а улыбка – ещё шире.

Недалеко затыкала собака – женщина всё ещё стояла рядом.

– Ты уверена, что объект Ро... – я тут же запнулся.

– Что? – подняла бровь она.

– Я сказал, ты уверена, что Роберт, который был твоим боссом, покончил с собой?

– О, – безмятежно отозвался объект Дженни, – нет, я со-
врала тебе.

Я удивлённо посмотрел на неё. Она выждала небольшую паузу и затем продолжила:

– Он не покончил с собой. На самом деле, теперь он действительно живёт по-настоящему.

Моя система не была готова ответить на это так скоро. Однако объект Дженни будто и не хотел, чтобы я что-то отвечал:

– Скажи мне, Сентябрь, но ты ведь тоже теперь знаешь, что он жив?

Я смог лишь утвердительно кивнуть.

– Эта новость была для тебя радостной? – продолжала спрашивать она, внимательно наблюдая за мной.

Я не знал, что ответить.

– Не знаю, что ты хочешь ответить, – произнесла она, – но мы оба знаем правду. Твоя система действительно давала сбои, когда я говорила тебе о смерти Роберта – значит, это вызывало у тебя негативные, иррациональные эмоции.

Я ошеломлённо молчал – настолько ошеломлённо, что чувствовал себя человеком.

Наконец, я смог спросить:

– Но откуда ты знаешь? Неужели ты знаешь, кто я?

– Да, я знаю, – спокойно ответила она.

Снова твякнула собака – она вырвалась из поводка хозяйки и подбежала ко мне. Я поморщился, отвлекаясь на животное. Собаки тоже, как и яблоки, могли расщепить нашу кожу своим отвратительным языком.

Однако этого не случилось – хозяйка тут же подошла и оттащила своего глупого питомца. Затем, когда я собирался снова сосредоточиться на объекте Дженни и понять, что происходит, эта же женщина вдруг стянула свой капюшон, и я увидел знакомое лицо.

– Пер-АПА?! – воскликнул я.

Она выглядела точно так же, как тогда, во время контакта с объектом Дженни.

– Наконец-то я могу разговаривать с тобой без этого глупого акцента, – сказала она бодро, поправляя седую прядь волос. – Ну, Сентябрь, ты что-нибудь понимаешь?

– Нет, – честно признался я.

Объект Дженни рядом хмыкнул.

– Не такие уж вы и умные, – задумчиво произнесла она, с улыбкой смотря на небо.

– Неужели, – неожиданно злобно обратился я к Пер-АПЕ, – вы рассказали всё обо мне и нашей расе объекту Дженни?!

– А ещё варианты есть? – весело спросила пожилая женщина. – Нет, Сентябрь, ты не угадал. Хотя, честно говоря, да, кое-что я действительно ей рассказала. Но лишь потому, что Дженни – действительно моя внучка.

Я растерянно моргал.

– Правнучка, – поправила Дженни спокойно.

– Да, – улыбнулась Пер-АПА и посмотрела на меня.

– Но это невозможно, – произнёс я. – Объект Дженни – человек.

– Хватит называть меня объектом, – отозвалась та, кинув на меня косой взгляд.

Пер-АПА усмехнулась и обратилась ко мне:

– Ты снова ошибаешься, Сентябрь. Человек здесь только я, а в Дженни льётся кровь – или как там у вас это называется? – вашей расы. Взгляни на её глаза. Они совершенно такие же, как у тебя в твоём истинном облики, только со зрачками.

Я взглянул на Дженни с лёгким испугом. Она смотрела на меня и улыбалась, и её голубые глаза в темноте действительно казались синими, почти такими же, как у представителей нашей расы.

– Но как вас пустили на станцию? – обратился я к Пер-АПЕ. – Люди не могут ничего знать о нас.

– Это всё мой партнёр, – ответила женщина. – Он был твоей расы, чистокровный. И он изучал меня, как объект. Я уже даже не припоминаю, какое у меня там было дело.

– Он вступил с вами в романтические отношения?! – содрогнулся я. – Его должны были наказать за это.

– Никто не мог наказать его, потому что он был Вышкой.

Пер-АПА вздохнула, видя мою возмущённую реакцию.

Она отпустила поводок собаки – неожиданно животное загавкало и убежало восвояси. Женщина села между мной и Дженни и обняла нас обоих за плечи.

– Он был одним из первых с «задатками человека», как вы это любите называть, – начала она более мягко. – Уже тогда это начало появляться. Конечно, тогда они ещё изучали совсем другие вещи, они не изучали «антисознание», которое стало модно изучать лишь тридцать лет назад. Но это всё неважно. Он видел мой математический ум и возможности, которые я могу открыть для вашей расы. Он позволил мне воспользоваться вашими невероятными технологиями, чтобы я смогла соорудить себе новое тело, в котором я могла бы жить столько, сколько захочу, однако до этого у нас появился ребёнок.

Он был смешанной крови, и, тем не менее, в нём преобладали признаки вашей расы, поэтому отправлять его на Землю было против правил – это грозило вашей расе и вашему проекту раскрыться.

Тем не менее, когда он нашёл себе партнёршу вашей расы, родился ребёнок с рецессивными генами – с моими признаками. Внешне он выглядел абсолютно также, как человек, и оставлять его на станции было запрещено. Возникло бы много вопросов.

Тем временем, ваш проект заходил слишком далеко. Мой партнёр уже умер, и я продолжала существовать в своём металлическом теле, наблюдая за тем, как ваши методы стано-

вятся всё более жестокими.

Я продолжала создавать новые технологии, надеясь, что они пойдут на пользу всем, даже людям, но никто из вас не собирался рассказывать про вашу странную одержимость ими и про всё хорошее, что вы узнали о них и что могло помочь им. Я много думала об этом. Думаю, ваша раса действительно восхищалась расой людей. Это заставляло вас копать дальше, искать изъяны, ведь восхищение – это чувство людей, и у вас такого не должно быть.

Затем начались эти первые смертельные исходы – некоторые контакты влияли на психику людей. И затем один из таких контактов повлиял на моего собственного внука, ставшего объектом исследования. Он покончил с собой, подвергшийся влиянию одной из представительниц вашей расы, старающейся выяснить очередную ерунду.

– Он был моим отцом, – встала Дженни тихо.

Я молчал.

– Да, – продолжала Пер-АПА. – Я не знала, что у него есть ребёнок до тех самых пор, как не появился ты, Сентябрь. Когда я увидела Дженни в базе данных исследуемых объектов, то всё поняла. То, что у тебя в резюме были «задатки человека», лишь вдохновляло меня на то, чтобы покончить с этим раз и навсегда.

– Вы использовали меня? – спросил я.

– Нет-нет, Сентябрь! Поверь, я делала с тобой лишь то, что ты делал с людьми на протяжении трёх лет своей рабо-

ты – я наблюдала за тобой в твоей естественной среде обитания. Я должна была убедиться, что это возможно – вызвать человеческие эмоции у вашей расы, заставить появиться трещину в вашей системе. И это оказалось возможным.

Какое-то время мы все молчали. Я отключил свою систему. Я отключил все способы станции контролировать мой разум и мысли. Это было опасно – я мог потерять связь и застрять здесь.

Но почему-то мне было всё равно.

– И что теперь? – спросил я. – Что вы собираетесь делать теперь?

– Я? – удивлённо указала на себя Пер-АПА. – Совершенно ничего!

– Но ведь вы хотели уничтожить весь наш проект.

– Да, хотела. Но мне и не нужно ничего делать для этого – лишь немного подождать. Ты доказал мне, что представители вашей расы постепенно становятся такими, как люди; что их система – вовсе не система, а такой же внутренний мир, как у меня и у других объектов, которые ты когда-либо изучал. Когда-нибудь они, как и ты, увидят трещину в их системе, но будет уже слишком поздно.

Я снова молчал. Было очень тихо в парке, и мне вдруг понравился холод, который заставлял меня дрожать.

– И кстати, – нарушила тишину Дженни, – не расстраивайся, что тебе не удалось решить моё дело. Может, это потому, что я не совсем человек?

Мы снова помолчали. Внезапно я нарушил тишину:
– Я думаю, среди людей есть случаи и похуже.
По крайней мере, Пер-АПА, подумал я.

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.canva.com/> с шаблонов по созданию обложки.